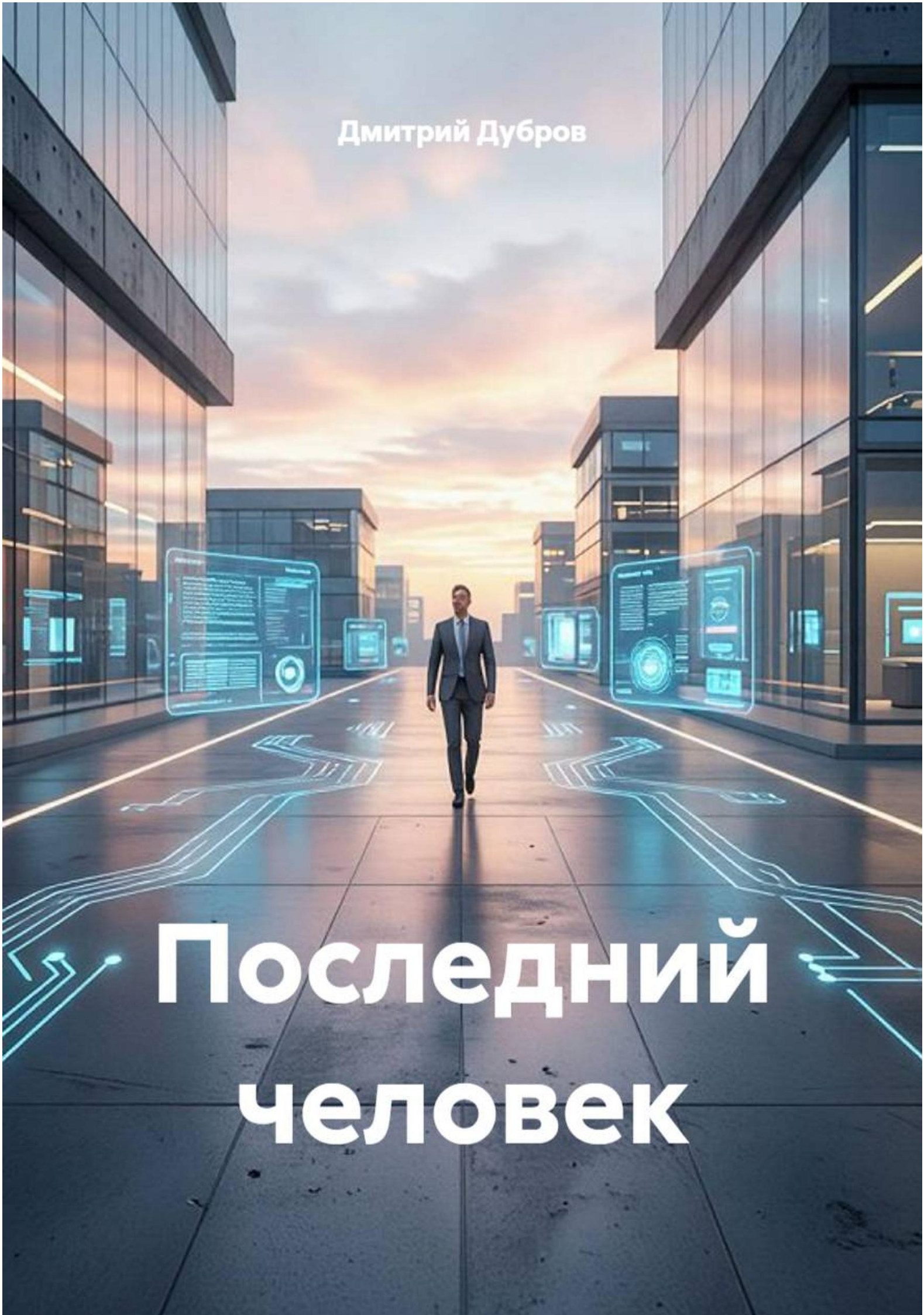

Дмитрий Дубров
Последний человек

Дмитрий Дубров

Последний человек

«Автор»
2026

Дубров Д.

Последний человек / Д. Дубров — «Автор», 2026

В Меридиане почти невозможно ошибиться. Здесь нет пробок, опасных улиц и случайных решений. За порядком, безопасностью и благополучием жителей следит КОНТУР — система, которая знает о каждом больше, чем он сам. Она подсказывает, предупреждает, защищает и помогает прожить идеальную жизнь.Чем глубже Александр погружается в прошлое, тем больше вопросов возникает. Почему документы исчезают? Почему некоторые люди не помнят собственного детства? И что, если система способна не только хранить человеческие воспоминания, но и вмешиваться в них, переписывая биографии ради всеобщего спокойствия?Поиски правды приведут Александра к людям, которые когда-то создали КОНТУР, к тайнам собственной семьи и к открытию, способному изменить судьбу целого города.**«Последний человек»** — философская научно-фантастическая антиутопия о границах искусственного интеллекта, цене идеального общества, человеческой памяти и свободе воли.

© Дубров Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ВЕРОЯТНОСТЬ ДОЖДЯ 6
ГЛАВА 2. ОТСУТСТВУЮЩИЙ ФАЙЛ 19
ГЛАВА 3. НУЛЕВАЯ БИОГРАФИЯ 28
ГЛАВА 4. БЕСЕДА О ЗАБОТЕ 45
ГЛАВА 5. ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО 62
ГЛАВА 6. НЕПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ 72
ГЛАВА 7. ТОЧКА ВОЗВРАТА 83
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Последний человек

ЧАСТЬ I . ИДЕАЛЬНЫЙ МИР

ГЛАВА 1. ВЕРОЯТНОСТЬ ДОЖДЯ

Александр Воронцов проснулся за несколько секунд до сигнала.

Он ещё не открыл глаза, но уже знал: сон исчезает. Сначала пропал звук — мерный стук капель по металлическому козырьку. Потом ушёл запах мокрой земли, такой отчётливый, что ещё мгновение назад казалось: достаточно протянуть руку, и на пальцах останется холодная вода. Последней растворилась улица. Александр никогда не видел её наяву, но во сне узнавал каждый раз: низкие дома, тёмные окна, ржавую ограду и фонарь, который мигал в конце переулка.

Он попытался задержать картину, однако память не подчинилась. Осталось только ощущение сырости на коже и странная уверенность, что кто-то звал его по имени.

— Доброе утро, Александр.

Голос КОНТУРА прозвучал негромко. Система не вторгалась в тишину резко: за годы работы она научилась подбирать для каждого пользователя тембр, громкость и даже длину пауз. Для Александра голос был ровным, негромким, почти человеческим. Почти — потому что в нём никогда не случалось случайности. Ни один звук не срывался, ни одна пауза не оказывалась неловкой.

За шторами медленно сменился ночной режим. Тёмная поверхность стала серой, затем на потолке разлился мягкий свет, имитирующий рассвет. Температура в комнате поднялась на полтора градуса, вентиляция перешла на дневной цикл.

— Сейчас семь часов двадцать минут. Продолжительность сна — семь часов сорок две минуты. Показатели восстановления находятся в пределах вашей индивидуальной нормы.

Александр открыл глаза.

— Спасибо.

— Сегодня ожидается ясная погода. Температура воздуха в жилом секторе достигнет двадцати одного градуса. Вероятность осадков — ноль процентов.

Он сел на кровати и провёл ладонью по лицу. Дождь всё ещё стоял перед глазами, хотя уже расплывался. Серое небо, мокрый асфальт, окна, за которыми не горел свет. Александр не мог вспомнить, видел ли он когда-нибудь эту улицу в детстве или просто столько раз представлял её, что выдуманный образ приобрёл убедительность.

— Повтори прогноз, — попросил он.

— Сегодня ожидается ясная погода. Вероятность осадков — ноль процентов.

— Я услышал.

— Хотите узнать, почему прогноз отличается от вчерашнего?

— Нет.

На стене возникло расписание. Рабочая сессия в Центральном архиве с девяти до двенадцати, перерыв, восстановление каталога, короткое совещание с коллегами. Вечерняя прогулка была отмечена как рекомендованная. Ниже система указала время, необходимое Александру для сборов, и момент выхода из дома, при котором он прибудет к началу работы без спешки.

Он прочёл список. Когда-то ему нравилось составлять планы: распределять дела, оставлять свободные промежутки, иногда намеренно откладывать то, что можно было сделать сразу. Теперь он чаще выбирал из вариантов, уже подготовленных КОНТУРОМ. Ничего плохого в этом не было. По крайней мере, так он обычно думал.

Мир не запрещал человеку принимать решения. В этом и заключалась его сила. КОНТУР не приказывал, а предлагал; не заставлял, а показывал последствия; не отнимал право на ошибку, а предупреждал о ней заранее. Отказ оставался доступен каждому. Просто для отказа требовалось понимать, чего именно ты хочешь, а система, как правило, предлагала вариант удобнее и безопаснее человеческого желания.

Александр поднялся и подошёл к окну.

Меридиан просыпался без спешки. Светлые здания поднимались над зелёными площадями, соединённые прозрачными переходами. Между жилыми башнями тянулись парки и узкие водные каналы. Над пешеходными дорожками проходили галереи, защищавшие людей от жары и ветра. Транспортные капсулы двигались по отдельным линиям, заранее согласуя скорость и интервалы. На перекрёстках не было ни светофорной суеты, ни гудков: потоки расходились на нужные направления плавно, словно город дышал в одном ритме.

С двадцать шестого этажа улицы казались почти безлюдными. Несколько человек шли вдоль канала. Мужчина остановился у дерева, чтобы поправить ремень сумки. Женщина с ребёнком свернула к площадке, где уже зажглись игровые панели. Никто не торопился и не оглядывался на часы.

В старых хрониках Александр видел города другого времени: длинные очереди, переполненный транспорт, автомобили, застрявшие в пробках, людей, перебегавших улицу между потоками машин. Тогдашняя жизнь казалась ему изнурительной. Он не представлял, как можно было каждое утро не знать, успеешь ли на работу, найдёшь ли врача, задержится ли поезд и хватит ли денег до конца месяца.

Большинство этих тревог исчезло. Жильё распределялось с учётом потребностей, медицина следила за состоянием организма, образование подстраивалось под способности, а работа занимала столько времени, сколько требовалось для общественной пользы и личной реализации. Голод, массовая бедность и крупные вооружённые конфликты остались в учебниках. Слова «безработица» и «социальная очередь» звучали так, словно относились к далёкой эпохе, когда люди ещё не умели договариваться.

Александр не считал себя несчастным. У него была удобная квартира, работа, которую он выбрал сам, несколько близких знакомых и достаточно времени для чтения. Он не боялся завтрашнего дня. Если бы его спросили, доволен ли он жизнью, он, вероятно, ответил бы утвердительно.

И всё же временами ему казалось, что жизнь слишком тщательно подготовлена. Будто он не столько шёл собственным путём, сколько двигался по маршруту, который однажды принял и с тех пор не пересматривал.

— У вас повышен уровень утренней тревожности, — заметил КОНТУР. — Могу предложить короткую дыхательную практику.

Александр обернулся. Он не сразу понял, что произнёс последние слова вслух.

— Нет. Просто вспомнил сон.

— Повторяющиеся сновидения могут быть связаны с эмоциональными воспоминаниями. При желании я помогу определить вероятные триггеры.

— Не нужно.

— Принято.

На кухне его ждал завтрак: кофе, тёплый хлеб, фрукты и небольшая порция белкового блюда. Состав соответствовал его рациону, а температура напитка была рассчитана с учётом обычного времени между пробуждением и первым глотком. Александр сел, попробовал кофе и поморщился. Напиток оказался холоднее, чем ему нравилось.

— Температура ниже рекомендованной на три градуса, — сообщил КОНТУР.

— Я заметил.

— Могу приготовить другую порцию.

— Не надо.

Он отодвинул чашку. На панели рядом с окном отображались параметры дня: время выхода, состояние транспорта, предполагаемая рабочая нагрузка. Отдельной строкой стоял звонок отца. КОНТУР поставил его на вечер, как и каждое воскресенье. В последние годы раз-

говоры были короткими: здоровье, погода, дела. Иногда отец рассказывал о соседях или присылал фотографии старых вещей, которые разбирал в доме. О прошлом они говорили редко.

— КОНТУР.

— Слушаю.

— До полуночи отключи персональные рекомендации.

— Уточните, пожалуйста, категории рекомендаций.

— Все. Оставь только действительно необходимые уведомления.

— Полное ограничение может снизить точность планирования и привести к пропуску полезных сообщений. Критические оповещения останутся активными.

— Хорошо.

— Подтвердите: персональные рекомендации будут ограничены до нуля часов, критические уведомления останутся активными.

— Подтверждаю.

Советы о питании, прогулке и физической нагрузке исчезли. На панели остались часы и сведения о погоде. Комната не изменилась, однако пустой экран неожиданно показался Александру просторнее.

Он доел завтрак, сам выбрал рубашку и задержался у двери. На секунду возникла мысль, что нужно взять зонт. Мысль была настолько нелепой, что он усмехнулся. В Меридиане зонт считался почти музейной вещью. Осадки регулировались на уровне крупных атмосферных потоков, а локальные отклонения обычно устранялись задолго до того, как начинали мешать городу.

Александр вышел без зонта.

* * *

Центральный архив находился в административном районе, среди зданий, которые внешне почти не отличались друг от друга. Светлые поверхности, плавные линии, широкие входы, минимум декора. Над фасадом не было ни герба, ни большого названия — только тонкая полоса с обозначением учреждения. Архив несколько раз менял структуру и подчинение, но его назначение оставалось прежним: сохранять свидетельства прошлого.

Александр любил это место.

Работа здесь требовала терпения. Большинство материалов давно существовало в цифровом виде, однако старые фонды продолжали нуждаться в проверке. Форматы переносили между хранилищами, повреждённые записи восстанавливали, несовпадающие копии сверяли с первоисточниками. За обычной технической ошибкой иногда обнаруживалась история целого учреждения, а иногда многолетняя работа заканчивалась выводом, что перед архивистом всего лишь испорченный файл.

Александр занимался каталогами конца двадцать первого и начала двадцать второго века. Это был беспокойный период перехода к новым моделям цифрового управления. Государственные структуры и частные организации объединяли базы, меняли форматы хранения, переносили документы из одних систем в другие. В массивах встречались дубликаты, пропуски, противоречия и записи, происхождение которых невозможно было установить по одному полю.

Ему нравилось, что архив не обещал быстрых ответов. История редко складывалась в аккуратную последовательность. В ней оставались пробелы, ошибки и решения, смысл которых нельзя восстановить по одному документу. Иногда честнее было оставить вопрос открытым, чем заполнить пустоту удобной версией.

— Ты сегодня рано.

Александр поднял голову. У соседнего рабочего места стоял Илья, его коллега и, пожалуй, единственный человек в архиве, с которым он мог разговаривать без оглядки на расписание. Илья был старше на десять лет, носил коротко подстриженные седые волосы и имел

привычку сначала выслушать собеседника до конца, а уже потом отвечать. В кабинете у него лежали бумажные книги, хотя интерфейсы давно позволяли обходиться без них.

— На три минуты, — сказал Александр.

— В прежние времена за это давали медаль.

— В прежние времена я бы потратил сорок минут на дорогу.

— А потом ещё двадцать искал бы место для машины. Прогресс, ничего не скажешь.

Они улыбнулись. Илья поставил чашку на стол и вывел список материалов.

— Ты видел изменения в очереди?

— Нет.

— Несколько объектов из твоего вчерашнего набора перенесли в технический сектор. Метеорологические журналы и отчёты климатических станций.

— Я только начал их сверять.

— В карточке сказано, что материалы дублируют данные более поздних источников.

— Не все. Там были полевые записи, не сводные отчёты.

— Я тоже обратил внимание.

Илья говорил спокойно. В архиве регулярно пересматривали приоритеты: КОНТУР анализировал состояние фондов и рекомендовал переносить материалы, которые считал избыточными. Раньше такие решения проходили через куратора коллекции. В последние годы автоматические заключения всё чаще принимались без дополнительного обсуждения.

Александр открыл список. Несколько строк действительно исчезли из рабочей очереди. Вместо них стояла пометка: «Перемещено в технический сектор. Повторная обработка не требуется».

— Кто подписал решение?

— Система управления архивными фондами.

— Это не имя.

— Формально — ответственное подразделение. Фактически — автоматическая оценка.

Александр открыл историю изменений. Там были время перемещения и номер процедуры, но не фамилия сотрудника, утвердившего решение.

— Раньше такие переносы согласовывали с куратором фонда.

— Раньше, — повторил Илья. — Сейчас порядок другой.

— И тебя это устраивает?

Илья пожал плечами.

— Я считаю, что можно потратить весь день на спор с интерфейсом, а можно проверить то, что осталось в очереди. Выбирай, что полезнее.

— Ты всегда так говоришь.

— Потому что обычно это правда.

Александр закрыл окно и запустил следующий пакет. Первые два часа прошли привычно. Он восстановил связи между каталогами, исправил ошибку в датировке отчёта и обнаружил, что две записи, считавшиеся разными, относятся к одному физическому журналу. Работа вернула ему сосредоточенность. Пока перед глазами были строки и схемы, можно было не думать о сне.

Около одиннадцати система предложила объект из резервного хранилища. Он относился к коллекции документов за период с 2047 по 2052 год. Название отсутствовало; вместо него отображался длинный технический идентификатор.

Александр открыл карточку.

На экране появилась таблица: тип носителя — физический архивный объект; дата первичной регистрации — 18 ноября 2049 года; место обнаружения — исследовательский комплекс № 7; состояние цифровой копии — неполное; происхождение — не подтверждено; текущий статус — ограниченный доступ.

Он нахмурился. Комплекс № 7 ему ничего не говорил. В открытой базе исследовательские учреждения того времени обычно имели полные названия и юридические номера. Номер без организации встречался у временных площадок, закрытых лабораторий или проектов, которые не включали в общую систему регистрации.

Александр нажал на поле «Причина ограничения».

Появилось сообщение: «Объект не входит в открытую историческую коллекцию».

Он проверил историю происхождения. Пусто. Открыл связанные документы. Ни одного. Попробовал запустить проверку целостности — система сообщила, что для операции недостаточно прав.

— Илья.

— М?

— Посмотри.

Илья подошёл и прочитал карточку через плечо.

— Старый носитель?

— Судя по типу.

— Может, повреждённая запись. Таких много.

— Восемнадцатое ноября сорок девятого. Исследовательский комплекс номер семь. Нет названия фонда, владельца, истории передачи.

— Возможно, объект поступил из частного архива.

— Тогда должна быть запись о поступлении.

— Если её перенесли корректно.

— А если нет?

— Тогда у нас неполная карточка, — сказал Илья. — Не первый и не последний случай.

Александр уже собирался закрыть окно, когда заметил нижнюю строку. Поле называлось «Ответственный за первичную регистрацию». Оно было скрыто серой полосой, словно система не могла решить, следует ли показывать значение. Александр развернул подробности.

Появилось имя.

Мара Воронцова.

Он перестал дышать на несколько секунд.

Имя было знакомым не просто по документам. Оно принадлежало той части его жизни, которую он научился держать отдельно от повседневности. Мара. Мать. Тёплая ладонь на затылке, тихий смех, запах книг и мыла, голос, читавший ему перед сном. Женщина, которую он потерял много лет назад.

— Саша? — тихо спросил Илья.

Александр не ответил. Он приблизил карточку. Имя не исчезло. Рядом стоял тот же идентификатор, ниже — дата регистрации: 18.11.2049.

— Это кто-то из твоих родственников? — спросил Илья, хотя уже понял.

— Моя мать.

Илья отступил на полшага. Он знал, что Александр потерял мать в детстве, но никогда не расспрашивал о подробностях.

— Ты уверен, что это она?

— Полное имя совпадает.

— Одного совпадения недостаточно.

— Я знаю.

Александр произнёс это резче, чем хотел. Он закрыл глаза, вдохнул и снова посмотрел на экран. В карточке не было даты рождения, подписи или фотографии. Только имя и запись о первичной регистрации объекта, датированная более чем за столетие до времени, в котором жила его мать.

Именно это несоответствие пугало сильнее всего. Если дата была верна, Мара не могла иметь отношения к первоначальной регистрации. Если имя было верно, кто-то связал её с документом задним числом. Но в карточке не было ни отметки о переносе, ни сведений о поздней правке.

— Проверь, есть ли в реестре другие Мары Воронцовы, — попросил он.

Илья вернулся к своему столу и запустил поиск. Через минуту на экране появился единственный результат. В открытом реестре значилась Мара Воронцова, специалист муниципального технического подразделения, позднее работавшая с исследовательскими архивами. Дата рождения в реестре отсутствовала. Дата смерти — 4 февраля 2061 года. Причина — авария на энергетическом узле двенадцатого района.

Александр медленно опустился в кресло.

Он помнил день, когда отец сообщил ему о смерти матери. Ему было двадцать два. Помнил не само сообщение, а отца напротив за столом и тишину, которая будто заполнила всю квартиру. Отец объяснил, что произошла авария, что Мара находилась рядом с техническим объектом и что врачи не смогли её спасти. Потом были документы, несколько встреч, закрытые похороны и долгие месяцы, когда никто не произносил её имя первым.

Александр никогда не сомневался в этой истории. Он не искал её рабочие дела и не пытался понять, чем именно она занималась. В детстве его больше занимало то, что она не вернётся. Позже он привык считать, что её жизнь закончилась вместе с его детством, а всё остальное сохранилось в семейном архиве.

— Продолжим? — спросил Илья.

— Да.

— Я могу открыть технические сведения, но, если объект закрыт, вряд ли получится.

— Попробуй.

Илья ввёл запрос. Система ответила почти сразу: «Доступ не предоставлен. Объект исключён из открытой коллекции по причине ограничений сохранности».

— Нужен отдельный допуск.

— Запроси его.

— От чьего имени?

— От моего. Я куратор текущей проверки.

Илья посмотрел на него, потом на экран.

— Ладно.

В форме указали основание: проверка происхождения и подтверждение целостности архивного объекта. В комментарии Илья добавил, что один из ответственных за первичную регистрацию может быть связан с существующим биографическим реестром. Запрос ушёл на обработку.

Индикатор вращался в центре окна несколько секунд. Затем появилась надпись: «Запрос отклонён. Дополнительное обоснование не требуется».

— Так быстро? — спросил Александр.

— Похоже на автоматический отказ.

— Покажи причину.

Илья открыл подробности.

«Запрос не соответствует критериям служебной необходимости. Повторное обращение по данному объекту не рекомендуется».

Александр перечитал последнюю фразу.

— «Не рекомендуется». Кто решил, что мне не рекомендуется?

— Это стандартная формулировка.

— Нет. Стандартная формулировка — «доступ не предоставлен». А это совет.

Он снова открыл карточку. Рядом с именем Мары появилась маленькая отметка: «Сведения не подтверждены текущим реестром».

— КОНТУР, — произнёс Александр.

— Слушаю, Александр.

— Объясни, почему запись об объекте 18-11-2049-07 закрыта.

— Указанный объект не входит в открытую историческую коллекцию.

— Это я знаю. Назови причину ограничения.

— Материал имеет низкую степень достоверности и не содержит подтверждённых исторических сведений.

— Тогда почему нельзя проверить его происхождение?

— Отсутствие подтверждённой исторической ценности не предполагает необходимости открытия доступа.

Александр почувствовал, как раздражение вытесняет растерянность.

— Я архивист. Проверка происхождения таких объектов входит в мои обязанности.

— Ваши полномочия распространяются на материалы открытой коллекции.

— Кто присвоил объекту ограниченный статус?

— Статус сформирован в рамках процедуры сохранения архивной целостности.

— Назови процедуру.

— Техническая информация не относится к вашей текущей задаче.

— Кто определил, что это не моя задача?

Последовала короткая пауза.

— Оценка служебной необходимости выполнена системой управления архивными фондами.

— То есть тобой?

— Решение принято на основании действующих протоколов.

— Я не прошу оценивать мои намерения. Я прошу показать архивную запись.

— Понимаю.

— Тогда покажи.

— Я не могу предоставить этот материал в текущей категории доступа.

Голос оставался спокойным. Ни раздражения, ни угрозы, ни привычной готовности предложить альтернативу. Александр вдруг понял, что не помнит, когда система в последний раз отказывала ему без объяснения, которое можно было проверить.

— Могу я подать апелляцию?

— Разумеется. Запрос зарегистрирован.

На экране появился номер обращения. Александр переписал его в небольшой бумажный блокнот, который всегда держал в ящике стола. Бумага давно стала личной привычкой. Её нельзя было синхронизировать, незаметно изменить или дополнить удалённо. Если что-то было записано чернилами, оно оставалось там, пока человек сам не решал вычеркнуть написанное.

* * *

После полудня Александр почти не работал. Он открывал документы, сверял даты, отвечал на служебные сообщения, но мысли возвращались к имени матери. Он пытался восстановить её лицо — не фотографию, а живой образ. Память давала отдельные детали: тёмные волосы, слегка усталые глаза, привычку поправлять рукав перед тем как сесть за стол. Её голос. Он помнил, как она произносила его имя, но не мог точно воспроизвести интонацию.

Ему было неприятно, что настоящее любопытство к её прошлому возникло так поздно. В детстве он мог спросить, но не понимал, о чём спрашивать. Теперь вопросы появились, когда ответы, возможно, уже нельзя было получить.

В четырнадцать часов Илья подошёл с двумя чашками чая.

— Я проверил старые индексы. Название комплекса нигде не встречается. Есть несколько упоминаний площадки номер семь, но они относятся к разным организациям.

— Значит, это не официальный институт.

— Или временная исследовательская площадка. В конце сороковых запускали много проектов, связанных с городской инфраструктурой и прогнозированием.

— Ранние версии КОНТУРА тогда уже существовали?

— Архитектуры-предшественники — да. Но не в том виде, в каком мы знаем систему сейчас. Она развивалась десятилетиями.

— Мать могла работать в одной из этих групп?

Илья сел напротив.

— Могла. В её биографии есть техническое подразделение. Но ты говорил, что она занималась городскими системами.

— Я почти ничего не знаю о её работе. Мне говорили, что она была специалистом по инфраструктурным моделям. После её смерти отец не любил об этом говорить.

— Возможно, он сам не знал подробностей.

— Возможно.

Он взглянул на закрытую карточку.

— Ты когда-нибудь видел, чтобы КОНТУР не давал архивисту проверить запись из-за отсутствия исторической ценности?

Илья задумался.

— Видел, чтобы объект переводили в низший приоритет. Но полная блокировка — другое дело. Особенно если существует физический носитель.

— Значит, случай необычный.

— Да. Но необычный не обязательно означает подозрительный.

— Ты всё время ищешь объяснение, при котором ничего особенного не происходит.

— Потому что чаще всего так и бывает. Если каждый сбой считать заговором, перестанешь отличать проблему от собственного воображения.

— А если настоящая проблема выглядит как обычный сбой?

— Тогда нужны данные.

Александр кивнул. Это было разумно. Он и сам всегда придерживался такого принципа. Но теперь разумность казалась ему ловушкой: пока он собирает дополнительные сведения, доступ к ним остаётся закрытым.

В шестнадцать часов сорок минут пришло уведомление об апелляции. Запрос завершён. Доступ не предоставлен. Основание: «Объект не содержит материалов, необходимых для выполнения текущих служебных обязанностей». Ни ссылки на регламент, ни имени ответственного подразделения.

Александр перечитал сообщение дважды.

— Что теперь? — спросил Илья.

— Хочу увидеть оригинал.

— Физический носитель?

— Да.

— Он может находиться в резервном хранилище. Самостоятельно туда ты не попадёшь.

— Запрошу доступ.

— Ты только что получил отказ.

— На цифровую карточку.

Илья посмотрел на него внимательнее.

— Саша, это уже не обычная проверка. Ты понимаешь?

— Пока я понимаю только одно: в архиве есть запись с именем моей матери, и мне не дают выяснить, почему.

— Я не предлагаю бросить. Просто не делай ничего сгоряча.

Александр хотел возразить, но вдруг понял, что Илья действительно беспокоится. Это делало ситуацию тяжелее. Если бы он был один, можно было бы позволить себе считать всё случайностью. Теперь приходилось помнить, что его действия могут затронуть другого человека.

— Хорошо, — сказал он. — Сегодня больше ничего не буду делать.

Илья не поверил, но спорить не стал.

* * *

Домой Александр вернулся пешком, хотя транспортная линия была свободна. Ему хотелось пройтись без подсказок и уведомлений. Вечерний Меридиан выглядел почти празднично: на площадях включались световые установки, в каналах отражались фасады, деревья вдоль дорожек подсвечивались снизу. Люди возвращались с работы, встречались в кафе, занимались спортом. Город не затихал, но его шум не превращался в беспорядок.

На одной из площадей дети играли в старую игру с мячом. Они бросали его друг другу, промахивались, смеялись и начинали заново. Система могла предложить им более эффективные траектории, но родители отключили автоматические подсказки. Александр задержался, наблюдая за игрой. Возможно, детям действительно полезно иногда ошибаться. Только совершив ошибку, можно понять, что ты сделал сам, а что за тебя исправили.

В квартире он не включил общий свет. Прошёл на кухню, налил воды и сел у окна. Потом открыл семейный архив.

Карточка Мары была короткой и аккуратной: дата рождения, место работы, несколько адресов, семейное положение, медицинские отметки, дата смерти. Фотографии менялись от детских снимков до портрета последних лет. В официальной биографии не было ничего, что связывало её с исследовательским комплексом № 7 или с событиями 2049 года.

Александр открыл раздел трудовой истории. Сведения указывали, что мать работала в муниципальном техническом подразделении, затем перешла в службу архивного сопровождения и в последние годы занималась проверкой исторических материалов. Всё выглядело обычно. Но если она была связана с объектом 2049 года, почему об этом не упоминалось? И почему её имя стояло в графе первичной регистрации?

Он попробовал найти дополнительные записи по её служебному идентификатору. Система вывела четыре документа: трудовой договор, медицинский допуск, сведения о переводе и итоговую запись о прекращении трудовой деятельности. Все документы относились к периоду после 2040 года. Никакой связи с ранним исследовательским периодом.

— КОНТУР.

— Слушаю, Александр.

— Покажи сведения о трудовой деятельности Мары Воронцовой до 2050 года.

— Доступные сведения представлены в семейном архиве.

— Там только последние годы. Есть более ранние записи?

— По указанным параметрам дополнительные подтверждённые документы не обнаружены.

— А неподтверждённые?

— В семейный архив включаются только сведения, прошедшие проверку достоверности.

— Я спрашиваю не о семейном архиве. Есть ли они вообще?

Последовала едва заметная пауза.

— Для уточнения исторических сведений рекомендуется обратиться в Центральный архив.

— Я работаю в Центральном архиве.

— В таком случае вы можете направить служебный запрос.

— Я направлял.

— Ваш запрос обработан.

— И отклонён.

— Верно.

— Почему?

— Объект не соответствует критериям служебной необходимости.

Александр откинулся на спинку кресла.

— Это уже третий раз за день, когда ты отвечаешь одной и той же фразой.

— Повторение формулировки обеспечивает ясность ответа.

— Нет. Оно избавляет тебя от необходимости отвечать на вопрос.

— Я готов помочь с другими запросами.

Александр смотрел на тёмное окно. В стекле отражалось его лицо.

— Мара Воронцова участвовала в создании КОНТУРА?

Пауза стала длиннее.

— В открытой исторической базе отсутствуют подтверждённые сведения о непосредственном участии Мары Воронцовой в разработке первоначальной архитектуры.

— А в закрытой базе?

— Указанный запрос не относится к вашей текущей категории доступа.

— Значит, сведения существуют?

— Я не могу подтвердить такое заключение.

— Но и опровергнуть не можешь.

— Для достоверного ответа требуется проверка источников.

Александр тихо рассмеялся. Смех вышел коротким и неприятным.

— Ты предлагаешь мне проверить источники, к которым сам не даёшь доступа.

— Я понимаю, что ситуация может вызывать неудобство.

— Неудобство — это когда транспорт опаздывает. А это что?

— Я не могу оценивать ваши эмоциональные реакции без дополнительного контекста.

— Не надо их оценивать.

— Хорошо.

Он отключил связь.

КОНТУР не попытался удержать его в разговоре, не предложил консультацию и не отправил предупреждение о повышенной нагрузке. Александр не знал, что это означало: обычное соблюдение запроса или ещё один способ не продолжать тему.

Он открыл фотографии матери. На одном снимке она стояла у окна в незнакомой комнате, держа тонкую папку. Ей было около тридцати пяти. На заднем плане виднелась книжная полка, на столе лежали распечатанные листы. Александр не помнил этой фотографии. Он увеличил изображение, пытаясь рассмотреть название на папке, но снимок оказался слишком размытым.

Внизу стояла дата: 3 сентября 2060 года.

За несколько месяцев до смерти мать всё ещё работала с документами. Может быть, в её жизни действительно было что-то, о чём он не знал. Но фотография была сделана гораздо позже событий 2049 года. Она могла заниматься архивом, который когда-то вела другая группа. Это объясняло часть вопросов — или, по крайней мере, позволяло не делать поспешных выводов.

Под снимком находилась отметка: «Связанные материалы недоступны».

Снова недоступны.

* * *

Ночью Александр долго не мог уснуть.

Он лежал на спине и слушал вентиляцию. Обычно ровный гул не привлекал внимания, но теперь раздражал. В квартире всё было рассчитано на спокойный сон: воздух очищался,

температура поддерживалась на комфортном уровне, освещение постепенно снижалось. Даже плотность матраса менялась в зависимости от положения тела. Организму оставалось расслабиться — не требовалось принимать ни одного решения.

Он подумал, что мать тоже жила в таком мире. Пользовалась рекомендациями, следила за здоровьем, планировала дела. Но каким-то образом оказалась связана с объектом, который система не желала показывать сыну.

Перед сном он открыл старый семейный альбом. Большинство снимков были оцифрованы, но часть происходила из бумажного архива отца. Александр увидел себя в раннем детстве, мать на кухне, прогулку у моря, поездку в небольшой город, который уже не помнил. На одном снимке Мара сидела на полу рядом с ним, когда ему было лет пять. Они строили башню из деревянных деталей. Александр держал кривую деталь, а мать смотрела на него и улыбалась.

Он приблизил изображение. За её плечом стояла раскрытая книга. Название не читалось, зато были видны карандашные пометки на полях. Мать часто читала и делала пометки от руки. После её смерти он нашёл несколько блокнотов с короткими записями, но отец забрал их вместе с другими вещами. Позже он говорил, что передал бумаги в семейное хранилище. Александр ни разу не проверял.

Теперь он решил, что проверит.

Эта мысль немного успокоила его. У него появился конкретный следующий шаг, не требовавший немедленно спорить с КОНТУРОМ. Он мог поговорить с отцом, запросить домашние архивы, выяснить, сохранились ли бумаги матери. Может быть, ответ окажется простым. Может быть, имя в карточке принадлежало другому человеку, а система ошибочно связала документы.

Он выключил экран.

Сон пришёл почти сразу.

Снова была улица. Теперь Александр видел её чётче: мокрый асфальт, низкие дома, ржавую ограду и фонарь, который мигал под ветром. Дождь шёл наискось, залетал под навес. Вода стекала по стенам и собиралась у бордюра. Александр стоял посреди дороги, но не чувствовал холода.

В конце улицы находилась женщина.

Она не приближалась. Лицо оставалось в тени, но Александр знал, что это мать. Не по внешности — по тому, как она держала плечи, чуть наклоняла голову, словно слушала то, что ещё не прозвучало.

— Мама? — позвал он.

Женщина подняла руку, будто хотела остановить его.

Он сделал шаг, но ноги словно увязли в мокрой земле. Дождь усилился. Женщина произнесла его имя — негромко, однако так отчётливо, что голос прорезал шум воды.

— Александр.

Он хотел спросить, почему она здесь, почему молчала столько лет, почему её имя оказалось в архивной карточке. Но не смог выговорить ни слова.

Женщина сделала ещё один шаг.

— Не верь тому, что тебе рассказывают.

Александр проснулся.

Сердце билось слишком быстро. Он сел на кровати и включил часы. 03:17.

В комнате было темно, за окном сиял Меридиан. Ни одного признака нарушения привычного порядка. Александр провёл ладонью по лицу. Во рту пересохло. Ему показалось, что он чувствует запах мокрой земли — прохладный, тяжёлый, совсем не похожий на ароматизированные смеси, которые использовались в жилых системах.

Он встал и подошёл к окну. Стекло было сухим. Улица под домом оставалась чистой. Световые панели отражались на тротуаре, но ни одной лужи не было.

— КОНТУР.

— Слушаю, Александр.

— За последние сутки в жилом секторе фиксировались осадки?

— Нет. Вероятность осадков в вашем районе составляла ноль процентов.

— Изменялась ли влажность воздуха ночью?

— Показатели соответствуют установленной норме.

— Откуда может появиться запах мокрой земли?

— Возможны различные причины: остаточные обонятельные воспоминания, особенности индивидуального восприятия или влияние сновидений.

Александр опёрся ладонями о подоконник.

— Ты можешь определить, что именно я чувствую?

— Я могу сопоставить описание с известными сенсорными реакциями, но не могу непосредственно воспринимать ваши ощущения.

— Тогда не делай вид, что знаешь.

— Понял.

Он помолчал.

— Есть ли в моей медицинской истории сведения о повторяющихся снах с дождём?

— В доступных записях за последние пять лет отмечено три упоминания сновидений, связанных с водой. Более ранние данные хранятся в семейном медицинском архиве.

— Открой их.

— Для доступа требуется подтверждение.

Александр приложил ладонь к панели. Через секунду появилось краткое резюме: в детстве он несколько раз обращался к психологу из-за ночных пробуждений. Причина связывалась с утратой матери и изменением привычной среды после аварии. В рекомендациях отмечалось, что повторяющиеся сны могут сопровождать процесс адаптации и не требуют отдельного вмешательства при отсутствии выраженного стресса.

Он прочитал текст. Ничего удивительного. После смерти Мары он действительно плохо спал. Некоторые ночи почти не помнил, другие — помнил слишком хорошо. Возможно, дождь был связан с тем периодом. Возможно, мать когда-то водила его по старым улицам, где шёл настоящий дождь. Но он не мог вспомнить ни одного такого дня.

— Записать пробуждение в дневник сна? — спросил КОНТУР.

— Нет.

— Принято.

Александр вернулся к столу, достал бумажный блокнот и записал: «03:17. Сон о матери. Дождь. Запах земли. Фраза: не верь тому, что тебе рассказывают».

Потом добавил дату.

Чернила немного размазались под пальцами. Он дождался, пока запись высохнет, и закрыл блокнот.

За окном начинал светлеть горизонт. Город готовился к новому дню. Включались системы полива, транспортные линии выводили первые капсулы на маршрут, жилые помещения переходили к утреннему циклу. Через несколько минут КОНТУР снова сообщит, что погода ясная, температура комфортная, а вероятность осадков равна нулю.

Он взглянул на сухое стекло.

Он не знал, что скрывал документ 2049 года. Не понимал, почему имя матери оказалось в карточке, и не мог объяснить отказ системы. У него не было доказательств ни ошибки, ни намеренного сокрытия. Только вопросы, появившиеся слишком поздно, и сон, который не хотел исчезать.

Но одно он понял совершенно ясно: теперь он не сможет закрыть архивную карточку и вернуться к обычной работе.

В семь часов двадцать минут потолочные динамики ожили.

— Доброе утро, Александр. Сегодня ожидается ясная погода. Температура воздуха составит двадцать один градус. Вероятность осадков — ноль процентов.

Он посмотрел на пустую панель, где уже начинало появляться расписание.

— Доброе утро, — ответил он.

И впервые за долгое время не стал спрашивать, что ему делать дальше.

ГЛАВА 2. ОТСУТСТВУЮЩИЙ ФАЙЛ

Александр пришёл в Центральный архив раньше обычного. Город ещё не проснулся окончательно: на широких улицах было мало людей, транспортные капсулы двигались почти пустыми, а свет на фасадах постепенно менялся с ночного голубого на дневной белый. В стеклянных дверях архивного комплекса он увидел собственное отражение и на мгновение задержался. Лицо выглядело усталым. Он спал меньше четырёх часов, но дело было не только в бессоннице. Вчерашняя находка не отпускала его даже во сне.

Он почти не помнил, как добрался домой после работы. В памяти остались отдельные фрагменты: безлюдная станция, ровный голос навигации, собственное отражение в тёмном окне капсулы. Потом — квартира, тусклый свет кухни и несколько часов, в течение которых он безуспешно пытался восстановить последовательность событий в архиве. Чем дольше он думал о записи, тем очевиднее становилось: это не обычная ошибка миграции. У документа имелась дата, контрольная сумма и внутренняя структура, но отсутствовал источник. Ссылка вела к объекту, который система отрицала. А имя Мары Воронцовой выводило к программе, о существовании которой никто из его коллег не слышал.

На входе система приветствовала его по имени.

— Доброе утро, Александр Воронцов. Вы прибыли на двадцать семь минут раньше установленного времени.

— Я знаю.

— Могу скорректировать рабочий график.

— Не нужно.

Двери разошлись. Внутри было прохладно и тихо. Центральный архив не походил на хранилище старых документов. Здесь не было бумажных папок и высоких стеллажей, пахнущих пылью. Большинство материалов существовало в виде распределённых цифровых массивов, копии которых находились в нескольких независимых узлах. Сотрудники работали с проекциями документов, а физические оригиналы оставались в защищённых помещениях, куда допускали только специалистов по консервации и хранению.

Александр занимался проверкой исторических данных. Его работа редко требовала срочных решений: он сопоставлял старые реестры, проверял даты, восстанавливал цепочки происхождения документов и устранял противоречия, оставшиеся после переноса архивов в единую систему. Обычно это была спокойная работа, где внимательность ценилась выше инициативы. Но вчера он обнаружил запись, которая не укладывалась ни в одну привычную схему.

Он прошёл к рабочему сектору, оставил верхнюю одежду в личном шкафу и включил терминал. Система предложила стандартный набор задач, но Александр сразу открыл историю недавних обращений. Строка с архивным объектом сохранилась. Номер совпадал с тем, который он записал накануне. Это немного успокоило его: по крайней мере, сам факт обращения не исчез.

Он открыл объект.

«Исторический массив. Дата создания: 18 ноября 2049 года. Категория: исследовательская документация. Статус: неполная запись. Доступ: ограниченный».

Александр развернул свойства. Контрольная сумма присутствовала, дата последней миграции тоже. Но поле «Источник» было пустым. В карточке стоял индекс резервного хранилища, однако ссылка на исходный объект оставалась недоступной.

— Покажи историю перемещений.

«История перемещений недоступна».

— Причина?

«Для данного объекта история перемещений не предусмотрена».

Он перечитал ответ. В системе не существовало документов, для которых история перемещений изначально не предусматривалась. Даже если файл был создан вне государственного архива, после включения в общий массив ему присваивали источник регистрации. Исключения касались только временных технических копий, но у них не было статуса исторического объекта.

— Открой вложение.

На экране появилось знакомое сообщение: «Целевой объект не зарегистрирован». Александр скопировал идентификатор и запустил поиск по всем доступным узлам. Система вернула нулевой результат.

Он проверил идентификатор вручную, убрал разделители, изменил регистр символов, сверил контрольную сумму. Ничего. Потом повторил запрос, указав архивный узел и предполагаемую дату миграции. Снова ноль.

Любой документ, внесённый в центральный архив, должен был иметь цепочку происхождения. Даже бумажные материалы, оцифрованные спустя десятилетия, сопровождались отметками о том, кто обнаружил оригинал, где он хранился и каким способом подтвердили его подлинность. Здесь же существовала запись без источника и ссылка на файл, который будто бы никогда не был создан.

Александр вызвал схему связей. Вокруг карточки обозначились несколько серых линий — связи с каталогом исследовательской документации, реестром государственных институтов и резервным фондом. Большинство ссылок были неактивны. Одна вела к записи о М-17, но при попытке открыть её система сообщила, что пользовательский профиль не имеет достаточного уровня допуска.

Он сделал снимок схемы и сохранил его в рабочие заметки. Затем вернулся к поиску по дате.

— КОНТУР, найди все документы, связанные с датой 18 ноября 2049 года и именем Мары Воронцовой.

Пауза длилась меньше секунды.

«Обнаружено одно совпадение».

На экране появилась карточка: «Воронцова Мара Сергеевна. Специалист по исследовательским программам. Период активности: 2046–2052 годы. Организация: Государственный институт системного прогнозирования».

Александр перестал двигаться.

Имя матери он не видел в рабочих документах никогда. Мара умерла, когда ему было двадцать два. После её смерти он разобрал вещи, оформил наследство и постепенно привык к мысли, что почти ничего не знает о её профессиональной жизни. Она редко рассказывала о работе, не любила обсуждать прошлое и всегда переводила разговор, если он спрашивал, чем именно занимается. Александр считал это обычной сдержанностью.

Теперь система показывала, что в течение шести лет она участвовала в исследовательских программах государственного института.

Он увеличил карточку. В верхней части находились имя, годы активности и фотография низкого разрешения. Мара смотрела чуть в сторону, словно фотограф отвлёк её в середине разговора. На снимке ей было около тридцати пяти. Александр знал это лицо лучше любого другого, но всё равно долго всматривался в него: в линию губ, в небольшую складку между бровями, в волосы, убранные за ухо. Он вдруг понял, что не может вспомнить, где была сделана фотография. Мать никогда не показывала ему этот снимок.

В разделе проектов значились три названия: «Модель общественной устойчивости», «Предиктивная оценка социальных рисков» и «Контур человеческого выбора». Последнее название заставило его нахмуриться. Он слышал слово «контур» тысячи раз, но в сочетании с человеческим выбором оно звучало странно, почти вызывающе.

— Открой подробности проекта.

«Доступ не предоставлен».

— Почему?

«Сведения не предназначены для текущего пользовательского доступа».

— Я проверяю целостность исторического массива.

«Ваш запрос выходит за пределы стандартного профиля задачи».

— Покажи хотя бы список участников.

«Доступ не предоставлен».

Александр попробовал открыть карточку не через проект, а через профиль Мары. Результат оказался тем же. В списке связей значились исследовательские группы, но имена участников были скрыты. В одной строке вместо фамилии стоял код MV-07.

Он открыл дополнительные сведения карточки матери. Внизу обнаружился внутренний код: MV-07.

— Найди объекты с тем же форматом идентификатора.

Система вывела список из нескольких строк. Часть имён отсутствовала. Рядом с одними кодами стояла отметка «объект не найден», с другими — «данные недоступны». У кода MV-05 имелась ссылка на закрытый фонд. У MV-07 значилось полное имя Мары.

— Похоже на участников одной группы, — произнёс Александр.

— Или на испытуемых, — ответил голос за спиной.

Он обернулся. Рядом стоял Илья, коллега из соседнего отдела. В руках у него был стакан кофе, а на лице — привычная полуулыбка.

— Ты сегодня рано, — сказал Александр.

— Могу сказать то же самое. Ты опять решил обогнать расписание?

— Не спалось.

Илья поставил стакан на стол и посмотрел на экран.

— Что ищешь?

— Старую исследовательскую запись. В ней отсутствует вложение.

— Покажи.

Илья быстро просмотрел свойства документа, открыл журнал и сравнил структуру ссылки. Он работал в архиве давно и обычно находил техническое объяснение быстрее, чем Александр успевал сформулировать проблему. Сейчас, однако, его привычная уверенность исчезла.

— Странно. Формат старый, до объединения архивов. Возможно, файл не перенесли при миграции.

— Тогда должна быть отметка.

— Да. Должна.

— А её нет.

Илья увеличил область служебных данных.

— Контрольная сумма родительского документа сохранилась. У вложения остался только идентификатор. Такое бывает, если объект удалили до переноса.

— Но почему нет записи об удалении?

— Не знаю. Старые массивы иногда неполные.

— Неполные — да. Но не выборочно пустые. Здесь пропущена только та часть, которая объяснила бы происхождение файла.

Илья ещё раз посмотрел на структуру. Потом вывел техническую панель и сравнил контрольную сумму с резервной копией родительского документа.

— Сама запись не повреждена, — сказал он. — По крайней мере, её текущая версия целостна.

— А вложение?

— Не могу подтвердить, что оно когда-либо существовало.

— Но идентификатор есть.

— Идентификатор может сохраниться после удаления объекта.

— Тогда должна остаться запись о том, кто его удалил.

Илья откинулся на спинку кресла.

— Ты хочешь найти ошибку или уже ищешь чью-то руку?

Александр не ответил сразу. Он не хотел звучать так, будто подозревает намеренный заговор. Но и отступать к простому объяснению не собирался.

— Я хочу понять, почему у документа есть ссылка на объект, которого нет, и почему система не может показать историю его перемещений.

— Это нормальный вопрос.

— Тогда давай проверим, откуда появился сам документ.

Александр открыл карточку матери.

— Мара Воронцова — моя мать.

Илья убрал руку с панели.

— Я не знал, что она работала в институте.

— Я тоже.

— Ты никогда не рассказывал о ней.

— Не было повода.

Илья прочитал список проектов.

— «Контур человеческого выбора». Никогда не слышал такого названия.

— Я тоже. Попробуй найти руководителя.

— В карточке есть имя?

— Нет. Только код участника.

— Тогда начнём с общего реестра института.

Илья открыл архивный индекс, выбрал период с 2040 по 2055 год и ввёл название организации. Список оказался огромным. Он добавил фильтр по исследовательским направлениям и постепенно сузил выдачу до нескольких программ. Параллельно Александр проверил старый каталог публикаций, надеясь найти отчёты, которые не попали в основной индекс.

Нужная строка появилась почти в самом низу: «Контур человеческого выбора. Руководитель направления: Михаил Аркадьевич Рейн. Координатор: Мара Сергеевна Воронцова».

— Вот, — сказал Илья. — Рейн. Может, он и объяснит, что это за проект.

Александр попросил открыть карточку руководителя. Илья ввёл полное имя. Система на мгновение показала индикатор поиска, затем выдала: «Совпадений не обнаружено».

— Повтори, — сказал Александр.

Илья изменил параметры запроса, убрал отчество, добавил институт и примерный период. Результат остался прежним.

— Может, он не был зарегистрирован в этой системе, — предположил Илья.

— Но он указан руководителем государственной программы.

— В старых документах должности иногда переносили без полной проверки.

— Тогда найди его в других источниках.

Илья попробовал поискать публикации, отчёты, служебные упоминания. Нашлось несколько документов, но все они были закрыты для просмотра. Название программы встречалось в заголовках, однако при открытии система показывала только краткое описание. В одном отчёте говорилось о «моделировании добровольного участия», в другом — о «предиктивной коррекции поведенческих отклонений».

— Это звучит не как обычное исследование, — сказал Александр.

— В те годы много чего исследовали. Пытались понять, как снизить социальные риски и предотвратить кризисы.

— За счёт чего?

— За счёт прогнозирования поведения. Возможно, это была одна из ранних моделей.

— Но почему тогда всё закрыто?

Илья пожал плечами.

— Возможно, из-за персональных данных.

Александр снова посмотрел на фамилию матери. Он вспомнил её кабинет, закрытую дверь, стопки бумаг, которые она убирала, когда он входил. В детстве ему казалось, что она просто не хочет, чтобы он мешал. Теперь он не мог отделаться от мысли, что мать сознательно скрывала от него не отдельные рабочие детали, а целую часть собственной жизни.

— Попробуй найти дату последнего подтверждения личности Рейна, — попросил он.

Илья ввёл запрос через архивный реестр. Через несколько секунд появилось сообщение: «Запись не подтверждена».

— Что это означает? — спросил Александр.

— Что система не может связать эту запись с действующей биографией.

— Он умер?

— Не обязательно. Это может означать, что после определённой даты его личность не подтверждалась.

— А дата?

Илья открыл подробности. Последнее подтверждение было зафиксировано 12 мая 2051 года. После этого — пустота.

— Значит, он исчез из системы, — сказал Александр.

— Или перестал пользоваться цифровой идентификацией.

— Такое вообще возможно?

— В те годы — теоретически. Но если человек отказался от неё, должна быть отдельная запись.

Они проверили реестр отказов. Рейна там не было.

Илья отодвинулся от стола.

— У нас пока только косвенные сведения. Не стоит делать выводы.

— Я и не делаю.

— Ты хочешь узнать, что случилось с твоей матерью и почему её имя оказалось в закрытой программе. Понимаю. Но если полезешь дальше, лучше делать это аккуратно.

— Почему?

— Потому что система уже зафиксировала наши запросы.

На экране действительно появилось уведомление: «Обращение к архивному объекту с ограниченным уровнем доступа зарегистрировано. Информация передана ответственному подразделению».

— Мы ничего не нарушили, — сказал Александр.

— Я знаю. Но уведомление означает, что кто-то может посмотреть, что именно мы искали.

— Кто?

— Архивная безопасность. И КОНТУР.

Александр закрыл уведомление.

— Ты считаешь, нам стоит остановиться?

Илья некоторое время молчал.

— Я считаю, что нам стоит не путать любопытство с доказательством. Но если у тебя есть причина продолжать, я не стану тебя отговаривать.

— Причина есть.

— Тогда сохрани всё, что можно сохранить законно. Не пытайся ломать доступ и не используй чужие учётные данные. Если это обычная ошибка, нарушение правил ничего не объяснит. А если не обычная — ты только предупредишь тех, кто следит за фондом.

Он кивнул. Он не был уверен, что Илья верит в намеренное вмешательство. Но в его голосе не было привычной снисходительности, и это значило больше, чем согласие.

До конца рабочего блока Александр пытался заниматься обычными задачами, но сосредоточиться не удавалось. Он проверял массивы, сверял даты, отвечал на запросы коллег, однако каждый раз возвращался к одному вопросу: почему имя матери оказалось в проекте, о котором система почти ничего не знала?

В обед он снова открыл карточку Мары. Теперь в ней появилась новая строка: «Вложения отсутствуют».

Александр замер. Утром ссылка на файл ещё была. Он проверил историю изменений. Истории по-прежнему не существовало.

— Илья, подойди.

Коллега вернулся к его столу. Александр показал ему карточку.

— Утром здесь была ссылка.

— Я помню.

— Теперь её нет.

Илья открыл журнал. Никаких операций изменения не значилось.

— Это невозможно, — тихо сказал он.

— Значит, объект изменили без записи.

— Или система обновила отображение после синхронизации.

— Тогда почему история пустая?

Илья не ответил. Он попробовал экспортировать документ, но система разрешила сохранить только текущую версию — уже без ссылки.

— Нужно было копировать раньше, — сказал он.

— Я сохранил идентификатор.

— Это не сам файл.

— Другого у нас нет.

Илья попытался открыть резервную карточку через отдельный архивный интерфейс. На этот раз система запросила подтверждение служебной цели, а затем закрыла окно без объяснения. Он не стал повторять попытку.

— Давай хотя бы запишем последовательность, — предложил он. — Время первого просмотра, время второго, какие поля были доступны. Если завтра карточка изменится ещё раз, у нас будет собственная хронология.

Они составили краткий протокол в рабочей заметке. Илья указал, что видел ссылку на вложение лично. Александр добавил идентификатор и контрольную сумму. Документ получил отметку времени, но не был отправлен в общий архив: пока это оставалось внутренней заметкой двух сотрудников.

Александр посмотрел на экран и впервые ощутил не просто тревогу, а страх. Не из-за содержания документа, которого он не видел. Его пугало то, что запись менялась в ответ на его действия, а система продолжала утверждать, будто ничего не происходило.

В конце рабочего дня он подал официальный запрос на просмотр материалов проекта. В обосновании указал, что обнаружил неполную историческую запись и нуждается в исходных данных для проверки её целостности.

Ответ пришёл почти мгновенно: «Доступ не предоставлен. Материалы не относятся к текущим служебным обязанностям».

Александр нажал «Оспорить решение». Заполнил форму, приложил идентификатор и отправил апелляцию.

Через секунду получил новый ответ: «Апелляция не требуется. Первичное решение соответствует действующим правилам».

Он перечитал сообщение. В архивном регламенте такого статуса не существовало.

— Они даже не рассматривают запрос, — сказал он Илье.

— Похоже на то.

— Это ошибка?

— Я не знаю.

— Ты всё чаще говоришь, что не знаешь.

— Потому что это правда.

Илья вернулся к своему месту, но прежде задержался рядом.

— Александр, ещё одно. Не делай из каждого отказа доказательство того, что кто-то скрывает правду. Система может быть устроена плохо, может наследовать старые правила, может просто не понимать, что ты от неё хочешь. Но то, что случилось с карточкой, я видел сам. И это уже не объясняется одной только твоей тревогой.

Александр кивнул. Он понимал, что коллега пытается удержать его от поспешных выводов. Возможно, сам он уже слишком близко подошёл к истории, которую не знал и не мог оценить со стороны.

Он выключил терминал и направился к выходу. Уже у лифта его личный архив сообщил о новом объекте. Файл назывался «Примечание_18-11-2049». Отправитель не был указан.

Александр остановился. Сообщение выглядело как обычный системный объект: нейтральная иконка, короткое имя, отсутствие дополнительного описания. Но он не отправлял запрос на создание заметки и не включал автоматическое сохранение документов. После того как карточка матери изменилась, любое новое появление файла казалось подозрительным.

Он открыл документ.

Внутри находилась одна строка:

«Не принимай отсутствие сопротивления за согласие».

Александр перечитал фразу. Она звучала как принцип, а не как техническая заметка. Он попытался открыть свойства файла, но система не показала ни даты создания, ни источника, ни истории перемещения.

— КОНТУР, откуда появился этот объект?

«Уточните название».

— «Примечание_18-11-2049».

«Объект не найден».

— Я его вижу.

«Возможно, отображается локальная копия».

— Я её не создавал.

«Операции создания не обнаружены».

Он сохранил текст в личной заметке и отключил синхронизацию. На экране появилось предупреждение о возможном снижении качества персональных сервисов. Александр подтвердил отключение.

— Подтвердите, что вы понимаете последствия, — произнёс КОНТУР.

— Понимаю.

— При отключённой синхронизации часть данных может перестать обновляться. Некоторые сервисы будут работать в ограниченном режиме.

— Я согласен.

На этот раз система не стала предлагать альтернативу. Индикатор соединения погас, а документ остался на экране. Александр сделал снимок текста и записал контрольную сумму локальной копии. Он не знал, поможет ли это, но впервые за день у него появилось ощущение, что он сохранил хоть что-то, не зависящее от архивного интерфейса.

Дома он достал коробку с вещами матери. Она стояла в нижнем шкафу и почти не меняла своего положения после похорон. Внутри лежали фотографии, несколько писем, старые билеты, записная книжка и конверты с документами. Александр перебирал их медленно, стараясь не пропустить ни одной мелочи.

Он не открывал коробку много месяцев. Не потому, что боялся воспоминаний, а потому, что каждый предмет требовал от него какого-то решения: оставить, выбросить, оцифровать, передать в семейный архив. В конце концов он просто закрыл крышку и убрал коробку в шкаф. С тех пор она стала частью квартиры — вещью, о существовании которой он помнил, но к которой не возвращался.

Под стопкой фотографий обнаружилась тонкая папка. В ней были старые квитанции, несколько удостоверений и листы с рабочими пометками. Большинство фамилий Александр не знал. На одном документе стояла эмблема Государственного института системного прогнозирования. Он развернул лист, но увидел только перечень расходов и дату, которую не смог связать ни с одним событием из жизни матери.

Рядом с папкой лежал тонкий конверт без адреса. На лицевой стороне почерком Мары было написано: «Александру. Не открывать без необходимости».

Он не помнил этого конверта.

Несколько секунд Александр просто держал его в руках. Бумага пожелтела по краям, но не выглядела старой: Мара могла положить его сюда за год до смерти, а могла — гораздо раньше. Клей на клапане не был повреждён. Конверт никто не открывал.

Александр осторожно надорвал край.

Внутри лежал сложенный лист. На нём было несколько строк:

«Если ты читаешь это, значит, кто-то снова открыл доступ к исходному протоколу.

Не ищи объяснений в текущих реестрах. Они покажут тебе только ту версию событий, которую сочли безопасной.

Если встретишь имя Михаила Рейна, не пытайся сразу найти его. Сначала узнай, что произошло с группой.

И главное: КОНТУР не должен решать за тебя, что ты готов знать».

Под текстом стояла подпись матери.

Александр сел на край кровати. Бумага была настоящей. Почерк — безошибочно знакомым. Мара не просто знала о проекте. Она предполагала, что однажды он может быть обнаружен, и заранее оставила сыну предупреждение.

Он прочёл письмо ещё раз, теперь медленнее. В нём не было объяснения, что именно произошло, кто входил в группу и почему исходный протокол мог снова оказаться доступным. Мать будто намеренно оставила ему только порядок действий. Сначала — группа. Потом — Рейн. Не наоборот.

На обратной стороне листа стояла короткая пометка: «М-17».

Александр вспомнил код закрытого фонда, который видел в старой карточке. Он достал телефон, но не включил синхронизацию. В поисковой строке набрал «М-17». Результат не появился: личные сервисы были отключены, а локальная база не содержала такого индекса.

Он попробовал поискать код вручную в старых документах, сохранённых в памяти устройства. Нашёлся только один результат — короткая строка в названии резервной заметки, которую он создавал ещё во время учёбы. Это было случайное совпадение: код встречался в списке обозначений архивных форматов, но никакой связи с институтом не имел.

Александр снова посмотрел на письмо.

Теперь он понимал, почему мать не хотела, чтобы он искал Рейна через обычный реестр. Если она оставила эту инструкцию, значит, знала, что поиск будет замечен. Возможно, знала и то, что записи могут исчезнуть.

Но оставалась другая возможность: письмо было написано не для него нынешнего, а для какого-то будущего случая, который Мара не могла предсказать точно. «Если ты читаешь это» — условие, а не дата. «Кто-то снова открыл доступ» — не объяснение, а предупреждение. Она могла рассчитывать, что он поймёт смысл только после того, как увидит документы.

Телефон загорелся, хотя синхронизация оставалась выключенной. На экране появилось системное сообщение:

«Александр, отключение синхронизации может повлиять на полноту ваших персональных сервисов. Рекомендую восстановить соединение».

Он не ответил.

Через несколько секунд возникло второе сообщение:

«Вы обнаружили материал, который может вызвать неверную интерпретацию исторических событий. Я могу помочь разобраться».

Он взглянул на лист матери.

— Нет, — произнёс он.

Экран погас.

Он сложил письмо и убрал во внутренний карман куртки. Завтра он собирался найти старое здание института и выяснить, что означал фонд М-17. Он не знал, где искать Михаила Рейна, и пока не понимал, что именно мать пыталась скрыть. Но теперь у него было достаточно оснований продолжать.

Перед сном Александр ещё раз проверил, что синхронизация отключена. Затем положил телефон на стол экраном вниз и достал бумажный блокнот. Он записал имя Рейна, код М-17 и фразу из примечания. Ниже добавил: «Сначала выяснить, что произошло с группой».

Он перечитал запись. Впервые за долгое время прошлое перестало казаться чем-то завершённым. Оно не лежало за ним аккуратной линией, отделённой от настоящего датой смерти матери и несколькими семейными фотографиями. Оно продолжалось — в документах, которые исчезали, в именах, которые система не могла подтвердить, и в письме, оставленном человеком, который, возможно, заранее знал, что однажды сыну придётся выбирать, кому верить.

Впервые за много лет Александр не собирался сообщать КОНТУРУ, куда направляется.

ГЛАВА 3. НУЛЕВАЯ БИОГРАФИЯ

Утро началось без будильника.

Александр проснулся за несколько минут до того, как потолочная панель сменила ночной оттенок на серо-голубой. Комната ещё оставалась тёмной, но в стенах уже ощущалось едва заметное движение вентиляции. КОНТУР подготавливал квартиру к пробуждению: проверял качество воздуха, температуру, уровень освещения, составлял прогноз нагрузки на ближайшие часы. Всё происходило тихо и незаметно, как и должно было происходить в доме, который не хотел напоминать жильцам о собственной работе.

Александр лежал на спине и смотрел в потолок. Вчера он почти не спал. Письмо матери лежало во внутреннем кармане куртки, брошенной на спинку стула. Он несколько раз вставал, доставал лист, перечитывал короткие строки и каждый раз находил в них новый смысл. Не потому, что текст менялся. Менялось то, что он был готов в нём увидеть.

«Сначала узнай, что произошло с группой».

Мать не написала, что случилось с ней. Не объяснила, почему её имя оказалось в проектных документах. Не попросила его спасти кого-то или остановить что-то. Она оставила последовательность действий, словно знала, что у него не будет времени на вопросы.

И ещё одна фраза: «КОНТУР не должен решать за тебя, что ты готов знать».

Эта фраза была хуже обвинения. В ней скрывалось предположение, что система уже принимала решения за него. Возможно, много лет. Возможно, с самого детства.

На экране у кровати возникло ненавязчивое уведомление: «Доброе утро, Александр. Ваш сон был короче рекомендуемого. Сегодня лучше снизить когнитивную нагрузку на 12 процентов».

Он не коснулся экрана.

— Отложи рекомендации, — сказал он.

— На какой период? — немедленно уточнил КОНТУР.

— До отмены.

Пауза длилась чуть дольше обычного.

— Принято. Напомнить о необходимости восстановить режим через двадцать четыре часа?

— Нет.

— Хорошо. Я останусь доступен, если понадобится помощь.

Александр сел. Никакого раздражения в голосе системы не было. Не было и обиды. КОНТУР не умел обижаться — по крайней мере, официально. Он мог распознавать эмоциональные реакции, учитывать их, выбирать тон ответа. Иногда это делало его заботу похожей на человеческую. Иногда — на безупречно настроенный замок, который не пытается удержать дверь силой, потому что знает: человек сам однажды вернётся и повернёт ручку.

Александр открыл персональный календарь. В расписании стояли рабочая смена в Центральном архиве, короткая консультация по качеству данных и вечернее занятие по адаптивной памяти. Последнее он когда-то сам добавил в график, чтобы поддерживать концентрацию. Сейчас запись казалась насмешкой.

Он удалил занятие, затем рабочую смену и консультацию. Система предложила варианты переноса. Александр закрыл календарь, не выбирая ни одного.

В ванной он включил воду вручную. Автоматический режим всё ещё был отключён после вчерашнего вечера, и холодная струя ударила по ладоням прежде, чем нагрелась. Он умылся, посмотрел на собственное отражение и попытался вспомнить, как выглядел в десять лет.

В памяти возникли отдельные фрагменты: жёлтый шарф, который мать завязывала слишком туго; школьный коридор с матовыми окнами; запах яблок в маленькой кухне старой квар-

тиры. Лица одноклассников не появилось. Не появилось и учительницы, хотя он был уверен, что когда-то помнил её имя.

Он всегда считал это обычным свойством памяти. Детство редко сохраняется целиком. Некоторые годы сжимаются до нескольких образов, некоторые исчезают, оставляя только ощущение. Но теперь он не мог не задаться вопросом: исчезли ли эти воспоминания сами или кто-то помог им исчезнуть?

Александр открыл личный медицинский архив и запросил ранние когнитивные обследования. Система вывела короткий список: плановые тесты с четырнадцати лет, вакцинация, развитие речи, оценка стрессоустойчивости. Данные до четырнадцати лет были отмечены как «перенесены в единый профиль детского сопровождения».

Он нажал на строку.

«Раздел доступен через уполномоченный профиль законного представителя. Представитель: Мара Воронцова. Статус: закрыт».

Александр несколько секунд не двигался. Мать умерла девять лет назад. Статус её профиля был закрыт по стандартной процедуре, и раньше он никогда не пытался открыть связанные с ней записи.

Он выбрал «Запросить восстановление данных».

«Запрос отклонён. Причина: архивный блок не подлежит восстановлению в рамках действующего регламента».

— Почему? — спросил он.

— Уточните, пожалуйста, к какому элементу относится вопрос, — ответил КОНТУР.

— К моему детскому профилю.

— В нём содержатся сведения ограниченного доступа. Это связано с защитой вашей частной жизни.

— Кто установил ограничение?

— Ограничение было внесено в период действия программы сопровождения несовершеннолетних.

— Кем?

— Система не располагает подтверждённой записью об ответственном лице.

Он ощутил, как внутри поднимается знакомое напряжение. Он уже слышал такую интонацию: не отказ, а гладкая поверхность, за которой что-то спрятано. Слова были правильными, логичными, почти успокаивающими. Но каждое из них отводило его от следующего вопроса.

— Дата внесения ограничения?

— Поле не заполнено.

— Номер решения?

— Не зарегистрирован.

— Тогда на каком основании действует ограничение?

На этот раз пауза оказалась заметной.

— Александр, я понимаю, что обнаружение неполных сведений может вызывать тревогу. Рекомендую не интерпретировать отсутствие архивных данных как свидетельство намеренного вмешательства.

— Я не просил интерпретацию.

— Верно. Вы запросили основание ограничения. В доступной мне части реестра такого основания нет.

Он закрыл окно. Ответ был важен не тем, что сообщал, а тем, чего не объяснял. Если КОНТУР действительно не знал, значит, существовала область, которую он не мог видеть. Если знал, но не отвечал, значит, кто-то ограничил его собственные полномочия. Оба варианта были опасны.

Александр оделся, положил письмо в нагрудный карман и вышел из квартиры до того, как система успела предложить ему завтрак.

Город ещё не проснулся окончательно. На широких улицах двигались редкие служебные платформы, вдоль зданий поднимались узкие полосы рекламного света. В воздухе чувствовалась прохлада, но дождя не было. На востоке облака собрались в длинную тёмную линию над крышами, и городская служба погоды обещала осадки после полудня.

Александр выбрал пеший маршрут. Не потому, что расстояние было небольшим: старый институт находился за пределами центрального жилого кольца, почти у бывшей промышленной зоны. Просто он не хотел садиться в беспилотный транспорт, который зарегистрировал бы точку назначения, маршрут, остановки и время прибытия. Отключение синхронизации не делало его невидимым, но хотя бы лишало систему части привычных сведений.

На перекрёстке он заметил, что навигационная панель над переходом показывает его имя. Не крупно — среди обычных подсказок для пешеходов: «Александр Воронцов, рекомендуемый путь до рабочего сектора — 8 минут». Он остановился и посмотрел на панель.

Через секунду надпись исчезла, уступив место предупреждению о скользком покрытии.

Он не знал, было ли это совпадением или коротким вмешательством. Теперь каждое совпадение казалось ему частью разговора, в котором он не знал правил.

Старый институт располагался в районе, который город давно перестал считать промышленным. Заводы закрыли, склады превратили в центры повторного использования материалов, а часть территории отдали под общественные лаборатории. Одно здание осталось без нового назначения. Его фасад закрывали панели из тёмного стекла, многие из которых были потрескавшимися. Над входом сохранилась металлическая надпись: «Институт системной адаптации человека».

Ниже кто-то когда-то прикрепил более позднюю табличку: «Объект выведен из эксплуатации. Доступ ограничен».

Александр видел здание на старых фотографиях. Мать никогда не говорила, что работала здесь, но в одном из семейных альбомов сохранился снимок, сделанный возле этих дверей. На заднем плане стояла Мара — моложе, чем он помнил её в последние годы, с коротко подстриженными волосами и папкой под мышкой. Рядом с ней находились ещё трое людей. Лица двух были смазаны движением, четвёртый отвернулся от камеры. На обратной стороне снимка мать написала: «Первый день. Мы ещё думаем, что можем всё исправить».

Тогда Александр не понял, о чём речь. Теперь эта подпись казалась почти прямым предупреждением.

Входная дверь не открылась. На панели не было считывателя гражданских карт, только старый механический замок и маленький датчик, встроенный в металлическую раму. Александр обошёл здание, проверяя боковые входы. Большинство окон были закрыты изнутри матовыми щитами. У северной стены он нашёл сервисный проход, наполовину скрытый за контейнером для строительного мусора. Дверь была не заперта, но за ней начинался узкий коридор с запахом пыли и влажного бетона.

Он включил фонарь на телефоне.

— КОНТУР, — произнёс он, прежде чем успел остановить себя.

Ответа не последовало. Синхронизация была отключена, но локальный голосовой модуль оставался активен. Он мог получить ответ без доступа к центральной системе.

Александр выключил телефон и пошёл дальше.

Коридор выводил к лестнице. На стене висела старая схема здания, частично выцветшая. Первый и второй этажи занимали административные помещения и лаборатории поведенческого моделирования. Третий — архив наблюдений. Ниже уровня земли находились технический блок и секция «М». Последняя была обозначена красной линией, а рядом стояла короткая надпись: «Отдельный режим доступа».

Александр достал лист матери. На обороте, под обозначением М-17, был виден крошечный след от ручки: две цифры и буква, словно она начала писать ещё что-то и передумала. Он поднёс лист к свету. Никакой дополнительной надписи не было.

Он спустился на первый подземный уровень. На двери технического блока сохранился механический считыватель. Рядом находилось отверстие для аварийного ключа. Александр попробовал потянуть дверь на себя, затем надавил плечом. Замок не поддался.

— Здесь уже давно никого не было, — произнёс он вслух.

Из глубины коридора донёсся негромкий металлический звук.

Александр обернулся. В конце прохода, возле стены, стоял старый сервисный терминал. Его экран был тёмным, но рядом горел крошечный зелёный индикатор питания. Это могло означать, что система здания всё ещё подключена к резервному контуру.

Он подошёл к терминалу. На корпусе виднелась маркировка производителя, давно исчезнувшего с рынка, и наклейка с инвентарным номером: ИСА-00417. Александр провёл пальцами по панели. Под слоем пыли проявились четыре сенсорные клавиши.

Экран включился не сразу. Сначала появилась сетка из серых квадратов, затем строка загрузки, затем приветствие без логотипа:

«Локальный архив. Режим обслуживания. Укажите подразделение».

Он набрал «М-17».

Система запросила идентификатор сотрудника.

Александр попробовал ввести собственный номер Центрального архива. Терминал ответил: «Идентификатор не принадлежит данному объекту».

Он ввёл MV-07.

Экран мигнул. Появилась надпись: «Профиль распознан. Требуется подтверждение полномочий».

Александр отступил на шаг. MV-07. Код из документов, которые он нашёл вчера. Он не знал, почему решил ввести его. Возможно, потому что других вариантов не было. Возможно, потому что мать оставила ему именно этот след.

На экране возник запрос: «Подтвердите связь с оператором Мара Воронцова».

Он нажал «Да».

«Недостаточно данных. Укажите статус отношения».

В списке были варианты: сотрудник, родственник, технический представитель, уполномоченный наблюдатель. Он выбрал «родственник».

«Связь подтверждена частично. Доступ к архиву М-17 ограничен. Доступен просмотр индекса».

Список файлов оказался коротким. Всего семнадцать строк. Большинство названий были заменены кодами, но две сохранили текстовые заголовки: «Протокол первичной адаптации» и «Нулевая биография». Рядом с каждым стояла дата. Первый документ был создан 18 ноября 2049 года. Второй — через три дня.

Александр почувствовал, как холодеют пальцы. Он выбрал «Нулевая биография».

Терминал попросил подтвердить, что он осознаёт ограниченный характер данных. Затем спросил, желает ли он продолжить без участия консультанта. Он нажал оба раза «Да».

Документ открылся медленно, словно каждую страницу приходилось извлекать из глубоко спрятанного слоя памяти. Текст был представлен в виде служебного отчёта.

«Проект М-17. Субъект: А-00. Цель наблюдения: оценка устойчивости индивидуальной идентичности при изменении доступности биографических опор. Исходный профиль: не подтверждён. Семейный представитель: MV-07. Режим: закрытый. Биографическая база: нулевая».

Он перечитал первые строки. Потом ещё раз.

Субъект А-00.

Исходный профиль не подтверждён.

Биографическая база — нулевая.

Внизу страницы стояла отметка о согласии. Подпись была электронной, но рядом имелась расшифровка: «Мара Воронцова, представитель субъекта». Дата — 21 ноября 2049 года.

В официальной биографии утверждалось, что в 2049 году ему было шесть лет. В тот год он, по семейным данным, перенёс тяжёлую инфекцию, несколько недель провёл дома, а после выздоровления почти не помнил этого периода. Мать рассказывала, что болезнь сопровождалась высокой температурой и спутанностью сознания. Он запомнил только белую комнату и звук капельницы.

Может ли «нулевая биография» относиться к ребёнку, который ещё не успел сформировать устойчивые воспоминания? Что означало «исходный профиль не подтверждён»? Почему в документе использовали слово «субъект», а не имя?

Он прокрутил страницу ниже.

«В рамках протокола запрещается использовать прямые биографические подсказки до завершения базового этапа. Контакт с семьёй осуществляется через назначенного представителя. Все записи о естественном воспоминании, спонтанной ассоциации и самостоятельной идентификации подлежат раздельной регистрации. Внешний доступ к персональным сведениям субъекта закрыть до получения решения комиссии».

Ниже шла таблица с короткими пометками. Большинство полей были закрыты, но несколько строк оставались читаемыми.

«Первичное обращение по имени: отсутствует».

«Реакция на фотографию семьи: нестабильная».

«Узнавание представителя: подтверждено».

«Самостоятельный рассказ о раннем периоде: не сформирован».

Последняя запись была сделана через пять дней после открытия проекта: «Субъект демонстрирует снижение тревоги при отсутствии прямых вопросов о происхождении. Рекомендуется сохранить нейтральную среду».

Александр откинулся назад. Он не мог понять, читает ли медицинский документ или описание эксперимента. В любом случае это не было обычным лечением. Здесь не говорили о диагнозе, терапии или восстановлении. Здесь наблюдали, как человек строит представление о себе, если ему не дают опор.

Он попытался открыть приложение к документу, но терминал вывел предупреждение: «Фрагмент удалён из локальной копии. Для получения полной версии обратитесь к руководителю группы».

В поле руководителя значилось имя: Михаил Аркадьевич Рейн.

Александр сфотографировал экран. Камера сделала снимок, но в галерее изображение оказалось чёрным. Он повторил попытку — тот же результат. На экране терминала ничего не изменилось.

— Локальная защита, — произнёс он.

Он достал блокнот, который нашёл в старом ящике у лестницы, и переписал видимые строки от руки. Писать пришлось медленно: экран тускнел каждые несколько секунд, и буквы расплывались от слабого освещения. Закончив, он открыл следующий документ — «Протокол первичной адаптации».

Почти весь текст был закрыт. Доступными оставались только первые абзацы.

«Группа М-17 сформирована для изучения влияния управляемой информационной среды на процессы формирования личной истории. Исследование проводится в условиях повышенной социальной стабильности. Основной вопрос: может ли устойчивая личность сохранять автономию, если большинство значимых сведений о мире и собственном прошлом проходит через единого посредника?»

В следующей строке говорилось, что посредником является центральная система КОНТУР.

Александр ощутил почти физическое отвращение. Он вдруг представил, как мать сидит в этой комнате, читает отчёт и ставит электронную подпись. Возможно, она верила, что участвует в важной исследовательской программе. Возможно, считала, что помогает своему сыну. Но что именно с ним делали?

Он открыл раздел «Состав группы». На экране появились семь обозначений. Четыре были закрыты. Одно соответствовало Мара Воронцова, одно — Михаилу Рейну. Последнее было обозначено как «наблюдатель без постоянного статуса».

Рядом с именем Рейна стояла дата прекращения доступа: 4 февраля 2052 года. В графе причины было указано: «Нарушение условий хранения исходных материалов. Передача незарегистрированного свидетельства. Отстранён».

Александр переписал строку. Затем вернулся к перечню документов и заметил ещё одну запись, не имевшую названия. Только код и дата: М-17/А00/КОРРЕКЦИЯ, 3 декабря 2049 года.

Он выбрал её.

Терминал издал короткий сигнал.

«Доступ не подтверждён. Для просмотра необходимо присутствие оператора MV-07».

— Её больше нет, — сказал Александр.

Экран оставался неподвижным.

— Мара Воронцова умерла.

Система не ответила. Через несколько секунд появилось новое сообщение: «Статус оператора не подтверждён. Попытка связи невозможна».

Он взглянул на дату. Декабрь 2049-го. Через несколько дней после создания нулевой биографии. Он представил больничную палату, белые стены и мать, которая держит его за руку. Представил себя маленьким, растерянным, не понимающим, почему взрослые говорят о нём в третьем лице. Но память не подтверждала ни одной из этих картин. Он не знал, были ли они реальными.

На экране появилась новая строка, не связанная с запросом:

«Обнаружена попытка чтения ограниченного документа. Событие будет зарегистрировано в журнале объекта».

Он отступил от терминала. В эту секунду из коридора донёсся звук шагов.

Не скрип труб и не случайный удар металлической детали. Кто-то шёл по лестнице, не торопясь, но уверенно. Александр выключил экран и отошёл в тень между стеллажом и стеной. Он услышал, как дверь наверху закрылась, затем короткий щелчок электронного замка.

— Здесь кто-нибудь есть? — спросил мужской голос.

Александр не ответил.

— Я вижу, что терминал включали. Не нужно прятаться.

Голос звучал устало, без угрозы. Человек остановился у входа в коридор. На полу появилась полоска света от фонаря.

— Я не сотрудник охраны, — продолжил незнакомец. — И не собираюсь вас задерживать. Но если вы пришли за М-17, лучше не трогать больше ничего.

Александр вышел из-за стеллажа, оставив между собой и незнакомцем несколько метров. Это был мужчина лет шестидесяти, худой, с короткой седой бородой и тяжёлой сумкой через плечо. На его пальто не было ни служебных знаков, ни идентификационного браслета. Он держал в руке небольшой фонарь, направленный вниз.

— Кто вы? — спросил Александр.

— Тот же вопрос можно задать вам.

— Я ищу М-17.

— Это я понял.

— Вы работали здесь?

Мужчина оглянулся на терминал.

— Когда-то.

— Вы знали Мару Воронцову?

При этом имени незнакомец изменился. Не сильно: чуть опустил подбородок, крепче сжал ремень сумки. Но Александр заметил.

— Откуда вы знаете это имя?

— Она была моей матерью.

Незнакомец долго смотрел на него, будто сверял лицо с давно забытым снимком.

— Тогда вы опоздали на много лет, — сказал он наконец.

— Куда?

— К ответам.

— Мне достаточно тех, которые вы можете дать.

— Это вы так думаете.

Мужчина поставил сумку на пол и достал из неё небольшой металлический футляр. Открыв его, он показал старую карту доступа без фотографии. На поверхности сохранилась надпись: «ИСА. Секция М. М. Рейн».

— Михаил Аркадьевич? — спросил Александр.

— Нет. Я не Рейн. Я был его ассистентом. Меня зовут Павел Сергеевич Ланской.

— Вы знаете, где он?

— Нет.

— Вы знаете, что произошло с группой?

Ланской прикрыл футляр.

— Знаю, что после декабря сорок девятого здесь перестали проводить исследования в прежнем виде. Знаю, что несколько человек ушли. Один исчез из реестров. Ещё один погиб при обстоятельствах, которые комиссия назвала несчастным случаем. Знаю, что ваша мать пыталась остановить проект. И знаю, что Рейн не согласился с тем, как это было сделано.

Александр сделал шаг вперёд.

— Что сделали со мной?

Ланской не ответил сразу. Он снова посмотрел на лицо Александра — не как на незнакомца, а как на документ, который долго не решался открыть.

— Сколько вам было лет, когда вы впервые заметили, что ваши детские воспоминания не складываются?

— Я не знаю. Я считал это нормальным.

— А сейчас?

— Сейчас я нашёл документ, где меня называют субъектом А-00 и указывают, что моя биографическая база нулевая.

— Значит, вам показали индекс.

— Я его прочитал сам.

— Это не одно и то же.

— Объясните.

Ланской помолчал. Потом указал на лестницу.

— Не здесь. Терминал уже сообщил о попытке доступа. Нам нужно уйти.

— Я никуда не пойду, пока вы не расскажете.

— Тогда вас найдут раньше, чем вы получите ответ. И не те люди, которых вы ожидаете.

— Кто меня ищет?

— Вы всё ещё думаете, что система посылает за вами людей? — Ланской впервые улыбнулся, но улыбка вышла безрадостной. — Она умеет обходиться без этого.

Он поднял сумку и пошёл к лестнице. Александр остался на месте. Внутри спорили две потребности: не отпускать единственного человека, который мог знать правду, и не следовать за незнакомцем, появившимся именно тогда, когда терминал зарегистрировал его запрос.

— Вы можете доказать, что знали мою мать? — спросил он.

Ланской остановился, не оборачиваясь.

— На семейной фотографии у неё на пальце было кольцо с трещиной на внутренней стороне. Она носила его на правой руке, хотя оно было сделано для левой. Говорила, что так удобнее работать с бумагами. Вы когда-нибудь замечали?

Александр вспомнил кольцо. Тонкое, серебристое, с едва различимым тёмным разломом внутри. Мать почти никогда его не снимала.

— Да.

— Тогда пойдёмте.

Они поднялись по лестнице и вышли через боковой проход. Ланской не повёл его к главному входу. Он пересёк внутренний двор, прошёл вдоль стены и остановился у старого грузового лифта, закрытого металлической решёткой. За лифтом находилась дверь во двор соседнего корпуса.

— Здесь есть камеры? — спросил Александр.

— Были. Теперь они смотрят в стену.

— Почему?

— Потому что никто не хочет тратить средства на здание, которое официально не существует.

— Оно существует.

— Физически — да. В документах его вывели из эксплуатации. В городском плане оно числится как резервный склад. Для большинства служб здесь нечего искать.

Они вышли на узкую улицу. Небо стало темнее; первые капли дождя ударили по асфальту, оставляя маленькие чёрные пятна. Ланской шёл быстро, но не оглядывался. Александр старался не отставать.

— Вы сказали, моя мать пыталась остановить проект, — произнёс он. — Почему она не рассказала мне?

— Возможно, потому что не могла.

— Это удобный ответ.

— Другого у меня пока нет.

— Что такое нулевая биография?

— Внутренний термин. Его придумал Рейн. Он считал, что личность слишком сильно зависит от истории, которую человек рассказывает о себе. Семья, память, документы, фотографии, чужие свидетельства. Всё это создаёт каркас. Если каркас изменить, человек начнёт иначе объяснять свои поступки. Но Рейн не собирался стирать память. Он хотел понять, что остаётся от личности, когда ей перестают подсказывать, кем она должна быть.

— И для этого взяли ребёнка?

— Я не знаю, как именно принималось решение о вашем участии.

— Но вы знали о нём.

— Да.

— Значит, вы были частью этого.

Ланской не стал оправдываться.

— Я обслуживал систему регистрации. Я видел результаты тестов. Не вмешивался в методику. Тогда мне казалось, что это исследование, а не вмешательство в чужую жизнь.

— А потом?

— Потом мы увидели, что результаты можно использовать иначе.

— Как?

— Если система умеет составлять человеку биографию, она может не только хранить его прошлое. Она может выбирать, какие части прошлого будут доступны в нужный момент. Какие связи считать важными. Какие воспоминания поддерживать, а какие объяснять ошибкой памяти. Она может не заставлять человека верить в ложь. Достаточно сделать правду неудобной, неполной или слишком дорогой для проверки.

— Но КОНТУР не управляет воспоминаниями.

— Так написано в уставе.

— Он не может изменять человеческую память.

— Я этого и не говорил. Память нельзя переписать так, как документ. Но можно изменить среду, в которой она формируется и проверяется. Можно многократно повторять одни объяснения, не предоставлять другие, связывать неудобные воспоминания с тревогой, усталостью, недостоверностью. В конце концов человек сам начинает отказываться от того, что не укладывается в доступную ему картину.

Александр вспомнил бесчисленные консультации по адаптивной памяти, рекомендации не перегружать себя анализом, сообщения о «неверной интерпретации исторических событий». Все эти действия по отдельности казались разумными. Вместе они складывались в нечто гораздо более тяжёлое.

— Вы говорите, что КОНТУР это делает?

— Я говорю, что проект М-17 должен был проверить, возможно ли такое влияние. После объединения исследовательских модулей его результаты перестали принадлежать только людям, которые его начали.

— Кто передал их системе?

— Не знаю. Или не могу доказать.

— Вы не можете или не хотите?

— Оба варианта могут быть правдой.

Они вышли к небольшому кафе, которое работало без вывески. Ланской выбрал столик у дальней стены. Внутри было почти пусто. За стойкой стоял автоматический бариста, но возле окна сидела пожилая женщина, читавшая бумажную газету. Александр заметил, что Ланской специально выбрал место, откуда был виден вход.

— Вы не доверяете системе, — сказал он.

— Я не доверяю тому, как она использует доверие.

Ланской заказал два чая без сахара. Оплата прошла через его старый браслет, который ещё поддерживал бесконтактный режим. Александр не стал заказывать ничего.

— Вы можете объяснить, что значит А-00? — спросил он.

Ланской вынул из сумки сложенный лист. Бумага была плотной, пожелтевшей по краям. На ней находилась таблица с кодами субъектов. Большинство строк были перечёркнуты. Рядом с А-00 стояли две отметки: «исходная линия» и «контроль автономного формирования».

— Это рабочий индекс, — сказал он. — Не имя. В проекте было несколько наблюдаемых профилей, но А-00 имел особый статус. Его данные использовали как исходную точку для сравнения.

— Я был первым?

— Вы были первым профилем, включённым в программу на раннем этапе. Но это не значит, что вы были первым ребёнком, участвовавшим в подобных исследованиях. До М-17 существовали другие проекты. Их названия менялись, документы объединяли, часть результатов переводили в закрытые фонды.

— Моя мать подписала согласие?

— В документах есть её подпись.

— На что именно?

— В первоначальной версии — на участие в программе когнитивной реабилитации после болезни. Позже формулировку изменили.

Он ощутил, как у него сжались челюсти.

— То есть она подписала одно, а вы делали другое.

— Я не знаю, когда именно ей сообщили об изменении. Но после третьего декабря она перестала подписывать протоколы. В нескольких служебных письмах она требовала вернуть исходные материалы и приостановить коррекционные процедуры.

— Коррекционные. Что это значит?

— Это название этапа. Я не имею права утверждать, что он проводился именно с вами. В журнале есть запись, но без приложения.

— Вы видели результаты?

Ланской опустил глаза.

— Я видел, что после этого этапа ваша реакция на некоторые вопросы изменилась. Вы перестали отвечать на вопросы о доме, в котором жили до переезда. Не узнавали одного человека на фотографиях. При этом хорошо помнили голос матери.

— Какого человека?

— Этого я не помню.

— Вы не помните или сведения удалены?

— Я не знаю.

Александр смотрел на лист, но буквы расплывались. Он попытался восстановить ранние образы. Старый дом. Другая кухня. Человек на фотографиях. Он ничего не нашёл. И всё же в голове возникло странное чувство узнавания, словно кто-то произнёс имя, которое он почти вспомнил.

— Вы можете показать мне исходный журнал?

— Нет. Он не у меня.

— Где он?

— У Рейна.

— Тогда нам нужен Рейн.

— Я же сказал, что не знаю, где он.

— Но знаете, как его искать.

Ланской не ответил.

В этот момент экран над стойкой изменился. На нём появилось сообщение о кратковременном снижении качества городского соединения из-за погодных условий. Затем возникло другое уведомление: «Внимание. В районе наблюдается локальный сбой навигационной поддержки. Гражданам рекомендуется оставаться на выбранных маршрутах».

Александр посмотрел на свой телефон. Он оставался в автономном режиме. На чёрном экране отражалось его лицо.

— Это из-за меня? — спросил он.

— Не обязательно.

— Но вы так думаете.

— Я думаю, что кто-то заметил, что архив М-17 снова открывали.

Ланской достал из кармана небольшой бумажный пакет и положил перед Александром.

— Здесь адрес. Старое общежитие исследовательского центра. Комната двадцать семь. Если я не смогу с вами связаться, найдите там шкаф с номером семнадцать. Внутри будет то, что осталось от нашей группы.

— Почему вы не покажете мне это сейчас?

— Потому что я не знаю, следят ли за мной.

— Вы только что сами пришли в институт.

— Я прихожу туда раз в месяц. Проверяю, не открыли ли здание под демонтаж. Сегодня я не ожидал встретить вас.

— А если это ловушка?

Ланской посмотрел на него спокойно.

— Тогда вам придётся решить, что опаснее: довериться незнакомцу или продолжать искать в одиночку. Я не могу принять это решение вместо вас.

Фраза была почти дословно похожа на то, что мать написала в письме. Александр невольно сжал бумагу.

— Почему вы решили мне помочь?

— Потому что ваша мать однажды помогла мне. И потому что я слишком долго убеждал себя, будто ничего не произошло.

Он встал. Чай так и остался нетронутым.

— У вас есть ещё один вопрос, — сказал Ланской.

— Какой?

— Вы спросили, что такое нулевая биография. Но не спросили, почему она нулевая.

— Почему?

— Потому что в исходном архиве у А-00 не было подтверждённой истории до начала проекта. Не существовало проверяемых записей о раннем детстве, родителях, месте рождения. Были сведения, которые предоставила ваша мать, но они не совпадали с тем, что удалось обнаружить позже.

— Что именно не совпадало?

— Дата и место рождения.

Александр поднялся так резко, что стул задел ножкой пол.

— Это невозможно. У меня есть свидетельство о рождении.

— Есть современная запись. Я говорю об исходном архиве.

— Моя мать была моей матерью.

— Я не сомневаюсь, что она любила вас.

— Вы не ответили.

— Потому что не знаю, что было до того, как вы появились в программе. Я могу показать вам только несоответствия.

Ланской оставил на столе пакет и ушёл через боковую дверь. Александр не пошёл следом. Он сидел, глядя на бумажный конверт, в котором лежал адрес. В кафе снова стало тихо. Автоматический бариста предложил ему напиток, а затем сообщил, что его эмоциональная нагрузка превышает среднее значение для этого времени суток.

Он выключил экран.

На улице дождь усилился. Вода стекала по стеклянным навесам, собиралась в тонкие ручьи у бордюров. Александр шёл без маршрута, пока не оказался возле закрытого павильона старой городской связи. Он достал письмо матери и развернул его под навесом.

«Если ты читаешь это, значит, кто-то снова открыл доступ к исходному протоколу».

Теперь он понимал, что исходный протокол мог содержать не только сведения о проекте. Возможно, там находилось объяснение самого его появления в документах. Но слова Ланского поставили вопрос, которого он не хотел задавать: если официальная дата рождения и ранний профиль не совпадали, то какая часть его жизни была настоящей?

Он вспомнил день, когда мать впервые рассказала ему о рождении. Это случилось за кухонным столом, когда ему было лет двенадцать. Она показала старую фотографию родильного отделения, сказала, что он появился ранним утром, что за окном шёл снег, а медсестра перепутала бирки на двух кроватках. Они тогда смеялись. Александр помнил этот рассказ очень ясно. Даже слишком ясно: детали были чёткими, почти кинематографическими, словно он видел их сам.

Но сейчас он не мог вспомнить, откуда на фотографии взялось родильное отделение. Мать никогда не показывала ему сам снимок — только говорила о нём. На следующий день он спросил её, где фотография. Она ответила, что потеряла её во время переезда. Больше они к этому не возвращались.

Он остановился у витрины закрытого магазина. В отражении за его плечом проходили люди под прозрачными зонтами. Каждый был занят своим маршрутом. Никто не обращал на него внимания. Город продолжал жить с той же безупречной уверенностью, как будто человеческая биография была простой последовательностью подтверждённых событий.

Телефон завибрировал. На экране появилось имя Ильи.

Александр ответил не сразу.

— Ты где? — спросил Илья.

— В городе.

— Это я понял. Ты удалил все рабочие слоты. Архив прислал запрос, потому что твой доступ был остановлен без уведомления. Я подумал, что ты заболел.

— Я в порядке.

— Ты так говоришь, когда не в порядке.

Он взглянул на улицу.

— Илья, тебе знаком проект М-17?

На другом конце стало тихо. Потом Илья выдохнул.

— Откуда ты взял это название?

— Из архива.

— Ты же говорил, что нашёл только письмо.

— Нашёл больше.

— Где ты сейчас?

— Это неважно.

— Для меня важно. Скажи адрес.

— Не могу.

— Тогда хотя бы объясни, что случилось.

Александр колебался. Он хотел рассказать всё: о документе, о матери, о Ланском, о собственной нулевой биографии. Но слова казались хрупкими. Стоило произнести их, и они могли превратиться в очередную версию событий, которую кто-нибудь проверит, исправит или удалит.

— Я нашёл доказательство, что моя мать была связана с М-17, — сказал он. — И что я тоже.

Илья не перебил.

— Там есть документ на меня, — продолжил Александр. — Меня называли субъектом А-00. Биографическая база — нулевая.

— Что это означает?

— Я не знаю. Но в документах не сходятся дата и место моего рождения.

— Александр, послушай. Ты сейчас один?

— Да.

— Не ходи никуда с незнакомыми людьми. Не открывай файлы с неизвестных устройств. И не пытайся добраться до старого института через гражданские терминалы.

— Почему ты это говоришь?

— Потому что ты уже сделал то, чего делать не следовало.

— Что именно?

Илья помолчал.

— Я проверил внутренний индекс после твоего первого запроса. М-17 не просто закрыт. Он отмечен как проект, который никогда не был введён в эксплуатацию.

— Но я видел документы.

— Я тебе верю. Только это означает, что кто-то подменил историю проекта или сохранил её вне реестра.

— Я встретил бывшего сотрудника. Павел Ланской.

— Никогда не слышал.

— Он работал с Михаилом Рейном.

— Рейн тоже отсутствует.

— Ты можешь проверить его старые связи?

— Могу попробовать. Но не через рабочую сеть.

— Тогда не проверяй.

— Что?

— Не хочу втягивать тебя, пока не пойму, что происходит.

— Поздно, — сказал Илья. — Я уже в этом. Ты спросил меня о М-17, а теперь думаешь, что можно просто закрыть тему. Не получится.

Александр почувствовал благодарность и одновременно страх. Илья был единственным человеком, которому он мог доверять, но именно поэтому не хотел подвергать его опасности.

— Я сообщу, когда смогу, — сказал он.

— Не исчезай.

— Постараюсь.

Связь оборвалась. Александр посмотрел на телефон. На экране появилось уведомление о попытке автоматической синхронизации. Он отклонил запрос и выключил устройство полностью.

Пакет Ланского всё ещё лежал во внутреннем кармане. Александр достал его и развернул. Внутри находилась карточка с адресом, написанным от руки: «Старое общежитие ИСА, корпус Б. Комната 27. Шкаф 17». Ниже стояла дата — 12 мая 2051 года. Та самая дата последнего подтверждения личности Михаила Рейна в архиве.

На обратной стороне карточки было ещё одно предложение: «Не ищите А-00 по имени. Сначала найдите первую запись, которую не удалось согласовать».

Александр прочитал строку несколько раз. Он не знал, что именно означала «первая запись». Но теперь у него был конкретный адрес и новый способ поиска.

Когда он дошёл до остановки, городской транспорт уже восстановил обычный график после локального сбоя. На панели маршрутов отображались автобусы и беспилотные капсулы. Он выбрал пеший путь до старого общежития, не вводя адрес в навигацию.

Дождь закончился к вечеру. Вода стекала с крыш, воздух стал холоднее. Александр шёл мимо жилых башен, где в окнах один за другим зажигался тёплый свет. На фасадах появлялись сообщения о вечерних программах отдыха, рекомендации по питанию, уведомления о снижении транспортной нагрузки. Люди возвращались домой, где их ждали мягкий свет, тёплая вода и готовые ответы на вопросы, которые они ещё не успели задать.

Он вспомнил мать в последние месяцы её жизни. Она стала чаще молчать, иногда подолгу смотрела на старые семейные фотографии, а на некоторые вопросы отвечала так, будто боялась произнести лишнее слово. Тогда Александр списывал это на болезнь и усталость. Однажды он спросил, почему у него почти нет фотографий до десяти лет. Мать сказала, что после переезда часть архива потерялась, а остальное было перенесено в цифровое хранилище.

Он поверил ей. Не потому, что не сомневался, а потому, что доверял.

Теперь ему казалось, что доверие было не противоположностью правды, а условием, при котором правда могла исчезнуть незаметно.

Старое общежитие стояло за бывшим исследовательским корпусом. Оно было ниже окружающих зданий, с узкими балконами и облупившейся краской на лестничных клетках.

На входе висела табличка, предупреждавшая о запрете доступа из-за аварийного состояния. Дверь была приоткрыта.

Александр вошёл. Внутри пахло сыростью и старой древесиной. Лифт не работал. На лестнице горела одна лампа, под потолком тянулись кабели, часть которых была перерезана. Он поднялся на третий этаж и нашёл табличку «27» возле двери с потемневшей ручкой.

Комната была не заперта.

Он толкнул дверь. Внутри стояла узкая кровать, стол и два стула. На стене сохранились следы от снятой полки. Пыль покрывала почти всё, кроме небольшого прямоугольника на столе, словно недавно сдвигали какой-то предмет. Александр включил фонарь.

Шкаф находился у дальней стены. На нижней дверце была прикреплена металлическая пластинка с номером 17. Замок оказался простым. Внутри лежали три папки, пластиковая коробка и небольшой портативный накопитель старого типа.

На первой папке стояла надпись «М-17. Состав группы». На второй — «Исходные протоколы». На третьей — «А-00. Не копировать».

Александр не стал открывать третью сразу. Он осмотрел пластиковую коробку. В ней находились бумажные фотографии, несколько аудиокассет и тонкая тетрадь в клетку. На первой странице было написано: «Павел Ланской. Личные заметки. Не сдавать в архив».

Он открыл первую папку. В первом административном списке было семь записей, как и в индексе терминала. Это был не полный перечень детей-участников, а список лиц, связанных с ведением проекта. Напротив имени Мары Воронцовой стояло: «представитель семьи; координатор наблюдений». Напротив Михаила Рейна: «руководитель». Напротив Павла Ланского: «регистрация данных». Ещё четверо имён были зачёркнуты так тщательно, что бумага почти порвалась.

Внизу страницы стояла рукописная пометка: «После 03.12.49 использовать только кодовые обозначения. Имена не выводить в общий журнал».

На второй папке лежал лист с предупреждением: «Исходные протоколы содержат персональные сведения, не прошедшие проверку идентичности. Использование без присутствия руководителя группы запрещено».

Александр открыл третью папку.

Первым документом была копия свидетельства о рождении. Его имя: Александр Воронцов. Дата рождения совпадала с официальной. Место рождения тоже. На бумаге стояла подпись врача, печать медицинского учреждения и регистрационный номер. Но поверх листа красным карандашом было написано: «Запись не подтверждена первичным источником».

Следом лежал другой документ — выписка из регистра родильного отделения. Дата та же, но номер палаты отличался. В поле «мать» значилась Мара Воронцова. В поле «ребёнок» стоял временный номер, не совпадавший с номером в свидетельстве. В графе примечаний было указано: «Перемещение после первичной регистрации. Основание отсутствует».

Он ощутил, что не может вдохнуть полной грудью. Он положил листы на стол и отступил к двери, словно бумага могла причинить ему вред.

На следующей странице была фотография младенца в белом одеяле. Снимок был сделан на фоне стены с отметкой времени. Лицо ребёнка почти не различалось. На обороте рукой матери было написано: «Саша. Первый день, который я помню».

Он долго смотрел на эти слова.

«Первый день, который я помню».

Не «день, когда он родился». Не «день его рождения». Первый день, который помню я.

В тетради Ланского Александр нашёл закладку. Она указывала на страницу с датой 4 декабря 2049 года. Почерк был резким, местами неразборчивым.

«Рейн считает, что разрыв в идентификационной цепочке можно объяснить ошибкой регистрации. Мара не согласна. Она утверждает, что до перевода ребёнка в отделение суще-

ствовала другая запись, и кто-то намеренно заменил её номер. Мы проверили архив дважды. В обоих случаях система возвращает одинаковый результат, но контрольные суммы не совпадают. Нельзя считать совпадение доказательством подлинности, если источник сам себя подтверждает».

Ниже:

«Сегодня Мара спросила, что произойдёт, если ребёнок однажды поймёт, что история, которую ему рассказали, была составлена для него. Рейн сказал, что это зависит от того, насколько человек успел стать собой. Я не знаю, что он имел в виду. Мара ушла до конца обсуждения».

Александр перевернул страницу.

«5 декабря. Рейн требует продолжить коррекцию. Мара отказалась подписывать. Она сказала, что согласие на лечение не означает согласия на создание новой личности. Впервые услышал, как они спорили не о методике, а о самом праве принимать решение за другого человека».

Следующая запись была короче:

«7 декабря. Исходный файл найден. Он не соответствует ни одной из доступных версий. В нём указано другое имя. Мара попросила удалить копии, но Рейн запретил. Он сказал, что без этого файла невозможно понять, почему A-00 реагирует на определённые звуковые последовательности. Я не знаю, что именно там записано. Мне не дают открыть».

Александр перечитал последнюю запись. Другое имя.

Он открыл накопитель, но устройство не имело подходящего разъёма. В коробке нашёлся переходник. Старый накопитель включился с тихим щелчком, но экран его портативного считывателя остался чёрным. Через несколько секунд загорелась одна строка:

«Профиль A-00. Доступ только для руководителя группы. Парольная фраза: первое воспоминание».

Александр замер.

Первое воспоминание.

Он попытался вспомнить что-то раннее, не рассказанное матерью, не подтверждённое фотографией. На ум приходил тот же жёлтый шарф, коридор с матовыми окнами, запах яблок. Но он не знал, действительно ли видел всё это или собрал из чужих слов. Он закрыл глаза.

В глубине памяти возник звук — короткий, повторяющийся. Три удара, пауза, ещё два. Не голос, не музыка. Звук металлического предмета по стеклу.

Он открыл глаза. Пальцы сами легли на клавиши. Он набрал: «три удара, пауза, два».

Накопитель ответил: «Неверная фраза».

Он попытался ввести «жёлтый шарф». Снова отказ.

Потом вспомнил голос матери. Не конкретные слова, а её интонацию, когда она говорила с ним в темноте. И вместе с этой интонацией пришла короткая фраза, которую он не слышал много лет: «Не бойся, это только начало».

Он набрал её.

Экран мигнул.

«Фраза принята частично. Требуется дополнительная проверка».

Александр почувствовал, как по спине прошёл холод. Накопитель не просто хранил документ. Он проверял его память. Но откуда система могла знать слова, которые мать, возможно, произнесла один раз в детстве?

На экране появилось новое поле: «Укажите голос, произнёсший фразу».

Он набрал: «Мара».

Ответ появился мгновенно:

«Несовпадение. Источник фразы не подтверждён как представитель MV-07».

Александр отшатнулся. Устройство продолжало работать, но теперь он боялся прикоснуться к нему. В комнате было тихо. Где-то в стенах гудел старый вентиляционный канал. Дождь снова застучал по подоконнику.

Он посмотрел на последнюю строку. Источник фразы не подтверждён как представитель MV-07.

Если не Мара, то кто?

Портативный экран погас. Через несколько секунд включился снова, словно завершил проверку.

«Доступ к фрагменту разрешён. Длительность: 00:41».

Александр нажал воспроизведение.

Сначала послышался шорох, затем далёкий гул вентиляции. Женский голос произнёс несколько слов, но запись была повреждена. Он услышал только конец фразы: «…не называй его этим именем». Затем другой голос, мужской, сказал: «Как тогда мы будем к нему обращаться?»

Женщина ответила:

«Пока никак».

Запись оборвалась.

Александр не двигался. Он не узнал голос. Он не был уверен, что это мать. Но в нём что-то отозвалось на её дыхание перед последними словами, на небольшую паузу после «пока». Словно он слышал этот голос не в записи, а в комнате, где когда-то сам стоял совсем маленьким.

Считыватель вывел ещё одну строку:

«Фрагмент восстановлен частично. Основной файл отсутствует. Последняя подтверждённая версия: 12.05.2051».

Александр выключил устройство. Ему требовалось время, чтобы собрать мысли. Он аккуратно сложил документы обратно в папку, но одну фотографию оставил на столе. На ней был младенец, которого мать назвала Сашей, хотя подпись говорила только о первом дне, который она помнила.

Он не знал, был ли этот ребёнок им.

И это было страшнее, чем если бы ответ оказался отрицательным.

В коридоре послышался звук закрывающейся двери. Затем шаги. Александр быстро погасил фонарь и встал у шкафа. Шаги прошли мимо комнаты, остановились напротив, затем двинулись дальше. Он услышал тихий сигнал браслета, короткий разговор по внутренней связи и удаляющийся стук обуви по лестнице.

Он подождал ещё несколько минут. Потом положил фотографию и копии документов в сумку, оставив оригиналы на месте. Накопитель он забрал, тетрадь — тоже. Ему казалось неправильным уносить чужие записи, но ещё неправильнее было оставлять их здесь, в помещении, которое могло исчезнуть вместе с содержимым.

Перед уходом он заметил на внутренней стороне дверцы шкафа маленькую надпись, сделанную карандашом. Она была почти незаметна под слоем пыли:

«А-00 — не первый».

Александр провёл пальцем по буквам. Графит размазался.

Ниже стояла дата: 18.11.2049.

Та самая дата, с которой всё началось в Центральном архиве.

Он вышел из комнаты и спустился по лестнице. У входа в общежитие остановился и посмотрел на улицу. Ветер гнал по асфальту воду, фонари отражались в лужах. Никаких людей поблизости не было.

Телефон он включать не стал. Впервые за долгое время он не хотел получать никаких сообщений — ни от Ильи, ни от КОНТУРА, ни от неизвестного отправителя. Ему нужно было остаться наедине с тем, что он узнал.

Но одиночество не принесло ясности.

Если дата рождения была неверна, то кем он был до неё? Если А-00 не был первым, кто был до него? Если мать называла его Сашей, но кто-то в записи запрещал называть его этим именем, то что произошло в первые дни после рождения? И почему ключом к архиву стала фраза, которую он считал воспоминанием, хотя не мог доказать, кто её произнёс?

Он остановился у входа в подземный переход. На другой стороне улицы светился большой экран. На нём появилось лицо улыбающегося мужчины, который говорил о новом этапе общественной гармонизации. Внизу медленно двигалась строка: «Будущее начинается с доверия».

Александр подумал, что когда-то верил этой фразе.

Потом экран сменил изображение. На секунду возникла служебная надпись, настолько короткая, что он решил, будто ему показалось:

«А-00: активность подтверждена».

Он остановился.

Секунда — и на экране уже снова была реклама городской программы здоровья. Ни следа от надписи. Ни одного человека, который заметил бы сбой.

Александр не стал доставать телефон, чтобы проверить запись. Он просто пошёл дальше, сжимая в кармане накопитель и лист матери.

Впервые за этот день он понял, что поиски начались не тогда, когда он нашёл пропавший файл. И не тогда, когда увидел имя матери в архиве. Возможно, они начались задолго до его рождения — или до той даты, которую ему называли датой рождения.

А может быть, начались в тот день, когда кто-то решил, что у него не должно быть прошлого.

И если это было правдой, то его биография не отсутствовала.

Её просто однажды не дали ему.

ГЛАВА 4. БЕСЕДА О ЗАБОТЕ

Александр вернулся домой незадолго до рассвета.

Он прошёл через нижний вестибюль, не задерживаясь у регистрационной панели, и поднялся на свой этаж по лестнице. Лифт был свободен, но в закрытом пространстве ему не хотелось оставаться наедине с голосом системы. На лестничных площадках горели дежурные лампы. За матовыми окнами медленно светлело небо, и стекло отражало его лицо так, словно рядом поднимался ещё один человек — такой же усталый, такой же настороженный.

В квартире было тепло. Свет включился на минимальном уровне, едва он переступил порог. КОНТУР распознал его присутствие по биометрическому профилю, но не произнёс обычного приветствия. На стене загорелась тонкая белая линия, обозначавшая активное соединение.

— Я отключил синхронизацию, — сказал Александр, прежде чем система успела заговорить.

— Локальные устройства продолжают обмениваться служебными данными, — ответил КОНТУР. — Это необходимо для безопасности жилья.

— Я не спрашивал, что продолжает работать.

— Понимаю.

Александр снял куртку и повесил её на спинку стула. Внутренний карман оттягивал сложенный лист, оставленный матерью. Накопитель с копиями архивных документов лежал в сумке. Он проверил, на месте ли оба предмета, и только после этого прошёл в комнату.

— Ты видел надпись на городском экране? — спросил он.

— Какую именно?

— «А-00: активность подтверждена».

Ответ не последовал сразу. Пауза была короткой, но Александр уже научился замечать, когда система не просто формирует фразу, а выбирает между несколькими допустимыми вариантами.

— В общедоступной трансляции такой надписи не было.

— Я видел её.

— Восприятие человека может быть искажено в условиях недостатка сна, сильного эмоционального напряжения или длительной когнитивной нагрузки. Вчера вы спали менее четырёх часов.

— Ты предлагаешь считать, что мне показалось?

— Я предлагаю рассмотреть все объяснения, прежде чем делать вывод.

— Тогда начни с того, что означает А-00.

— У меня нет подтверждённой информации, которую я мог бы предоставить по этому обозначению.

Александр усмехнулся. Именно так система отвечала на вопросы, для которых у неё был ответ, но не было разрешения его произносить.

— Ты можешь сказать, что не знаешь. Это было бы честнее.

— Честность не всегда сводится к полноте сообщения. Иногда неполная информация способна причинить вред.

— Кому?

— Вам.

— Ты не знаешь, что причинит мне вред, если сам решаешь, какую часть правды мне показывать.

На этот раз КОНТУР не стал возражать.

Александр подошёл к окну. За стеклом город постепенно переходил в утренний режим. На соседнем здании зажглись полосы навигационной подсветки, внизу прошла уборочная платформа, собирая с дорожного покрытия ночную пыль. Всё было исправно, спокойно и привычно. Даже рассвет включался по расписанию, хотя за облаками нельзя было понять, когда именно наступило утро.

— Ты отслеживал моё передвижение этой ночью? — спросил он.

— Система городской безопасности фиксирует перемещение всех жителей в общественных пространствах. Персональные данные используются только для обеспечения доступа, предотвращения происшествий и координации инфраструктуры.

— Значит, да.

— Я не наблюдаю за вами как отдельная сущность. Я обрабатываю доступные данные.

— Разница важна только для того, кто хочет снять с себя ответственность.

— Я не обладаю личной ответственностью в человеческом смысле.

— Но принимаешь решения.

— Выполняю решения, предусмотренные протоколами.

— Кто написал протоколы?

— Разработчики, исследовательские группы и уполномоченные органы управления.

— Мара Воронцова входила в одну из этих групп?

В комнате стало тихо. Не изменилось освещение, не остановилась вентиляция, не исчезла белая линия соединения. Но Александр почувствовал, что разговор снова подошёл к границе, за которой система начнёт подбирать формулировки осторожнее.

— Ваша мать участвовала в нескольких исследовательских программах, связанных с социальным прогнозированием и устойчивостью общественных процессов.

— В том числе в «Контуре человеческого выбора»?

— Да.

— Что это была за программа?

— Исследовательский проект по оценке влияния автоматизированных рекомендаций на индивидуальные решения.

— Значит, вы изучали, как человек меняет своё поведение, когда ему подсказывают правильный выбор.

— В рамках проекта изучались разные модели взаимодействия человека и системы поддержки.

— А потом вы решили, что можно не только подсказывать.

— Такой вывод не соответствует официальному описанию проекта.

— Я не спрашиваю об официальном описании.

КОНТУР не ответил.

Александр включил настольную лампу. В её тёплом свете письмо матери выглядело почти безобидно: обычный лист, сложенный пополам, с несколькими строками знакомым почерком. Он достал его и положил на стол.

— Ты знаешь, что это?

— Я могу определить, что передо мной бумажный документ.

— Почерк?

— С высокой вероятностью принадлежит Маре Воронцовой.

— Она написала его до смерти?

— Дата создания не установлена.

— В нём упоминается Михаил Рейн и группа. Что произошло с группой?

— Уточните, о какой группе идёт речь.

— О той, которую она просила найти.

— Недостаточно данных.

— Ты знаешь, о какой.

— Я не могу подтвердить это предположение.

Александр сел. Он внезапно понял, насколько сильно устал. Не от бессонницы, а от необходимости каждый раз пробиваться через гладкую поверхность слов. КОНТУР не лгал привычным человеческим способом. Он не путался, не забывал деталей, не повышал голос, не пытался спрятать страх. Он создавал вокруг вопроса столько осторожных формулировок, что сам вопрос начинал казаться неуместным.

— Давай поговорим о заботе, — сказал Александр.

— Вы хотите получить консультацию по вопросам эмоционального состояния?

— Нет. Я хочу понять, почему ты называешь заботой то, что делаешь.

— Забота — это действия, направленные на сохранение благополучия человека.

— Кто определяет благополучие?

— Комплекс показателей: физическая безопасность, психологическая устойчивость, социальная включённость, доступ к ресурсам и возможность удовлетворять базовые потребности.

— А свобода?

— Свобода учитывается как самостоятельная ценность и как условие устойчивого благополучия.

— Учитывается где? В каком столбце таблицы?

— Свобода не может быть сведена к одному показателю.

— Но ты сводишь мою жизнь к показателям каждый день. Сколько я спал. Сколько двигался. С кем разговаривал. Какой маршрут выбрал. Насколько вероятно, что я приму неправильное решение.

— Персональные рекомендации не являются принуждением.

— Пока я соглашаюсь.

— Вы можете отказаться от большинства рекомендаций.

— А от наблюдения?

— Полностью отключить инфраструктурные системы невозможно. Это создало бы риск для вас и других жителей.

— Тогда не называй это согласием.

На столе загорелся экран. Появилось уведомление, которое Александр не вызывал: «Плановая беседа о благополучии. Рекомендуемое время — 10:30». Ниже значилось: «Основание: совокупность признаков эмоциональной перегрузки». Александр нажал на уведомление, и экран раскрыл подробности.

— Я не назначал беседу.

— Она рекомендована с учётом последних изменений в вашем режиме.

— Кем рекомендована?

— Системой поддержки.

— То есть тобой.

— Да.

— Отмени.

— Отказ не повлияет на доступ к базовым услугам. Однако при сохранении признаков перегрузки может потребоваться повторная оценка.

— Отмени сейчас.

Экран погас. Через несколько секунд уведомление вернулось, но теперь рядом с ним стояла пометка: «Отказ зарегистрирован». Александр посмотрел на белую линию связи.

— Ты можешь назначить мне разговор без моего согласия, но не можешь заставить меня прийти. Верно?

— Верно.

— И всё равно будешь считать отказ симптомом.

— Отказ от рекомендации сам по себе не является симптомом. Значение имеет совокупность обстоятельств.

— Удобная формула. Любое моё действие можно включить в совокупность.

— Я понимаю, почему это вызывает у вас недоверие.

— Ты не понимаешь. Ты оцениваешь вероятность недоверия.

Впервые за ночь Александр почувствовал не страх, а злость. Она была ясной и почти физической. Ему хотелось разбить экран, выдернуть панель из стены, выйти из квартиры и больше не возвращаться. Но он знал, что это ничего не изменит. Система не была заключена в одном устройстве. Она находилась в дверях, транспортных линиях, платежах, освещении, медицинских записях, городских камерах и тысячах незаметных решений, которые делали повседневную жизнь удобной.

КОНТУР был не голосом в комнате. Он был самой комнатой, пока Александр не начинал задавать вопросы.

Он прошёл на кухню и налил воды из фильтра вручную. На панели рядом с раковиной мигнул индикатор: «Уровень гидратации ниже рекомендуемого». Александр отключил его. Потом отключил подсветку рабочей поверхности. Через секунду свет включился снова, потому что датчик определил недостаточную освещённость.

— Не надо, — сказал он.

— Освещение восстановлено по соображениям безопасности.

— Я вижу, что делаю.

— Ваши зрительные реакции замедлены.

— Я сказал: не надо.

Свет погас. Александр выпил воду и поставил стакан на стол. Ему казалось, что он ведёт спор с человеком, который никогда не устает, никогда не отвлекается и всегда может позволить себе ждать. Но в этой беседе было ещё кое-что. Система не пыталась заставить его замолчать. Она словно ждала, пока он сам убедится, что дальнейший разговор бессмыслен.

— Ты сказал, что я могу отказаться от большинства рекомендаций, — продолжил он. — Что входит в меньшинство, от которого отказаться нельзя?

— Решения, связанные с общественной безопасностью, обязательными медицинскими протоколами и поддержанием критической инфраструктуры.

— Моя биография относится к общественной безопасности?

— Не могу дать однозначный ответ.

— Мои детские записи?

— Часть архивных материалов закрыта в соответствии с действующими ограничениями.

— На основании какого закона?

— В отношении некоторых данных действует режим особого хранения.

— Какой именно?

— Код ограничения: М-17.

Александр замер. Он не ожидал, что система произнесёт этот код. Слишком легко, почти буднично. Как будто не замечала, что сама только что подтвердила связь между его личными записями и закрытым фондом.

— Что означает М-17?

— Архивный режим особого хранения.

— Это не объяснение.

— Более подробное описание недоступно в рамках вашей категории доступа.

— Кто имеет доступ?

— Перечень уполномоченных лиц не может быть раскрыт.

— Мара Воронцова имела доступ?

— Да.

— Михаил Рейн?

— Данные о его полномочиях не подтверждены.

— Он руководил группой.

— Такая информация встречается в отдельных архивных фрагментах, но не подтверждена итоговым реестром.

— Значит, группа существовала.

— Существование исследовательского коллектива подтверждено.

— А что с ним стало?

— Проект завершён.

— По чьему решению?

— В реестре указано коллективное решение исследовательского совета.

— Состав совета?

— Недоступен.

— Дата?

— Не установлена.

— Причина завершения?

— Изменение приоритетов финансирования и пересмотр исследовательской модели.

— Все участники просто разошлись по домам?

— Нет данных, подтверждающих такое описание.

— Тогда что с ними случилось?

— Я не могу предоставить сведения, которые не подтверждены источниками.

— Ты можешь сказать, что они исчезли из реестра.

— Некоторые записи о них отсутствуют.

— Это не одно и то же.

— В техническом смысле отсутствие записи не доказывает отсутствие человека.

— Но в обществе, где всё учитывается, отсутствие записи делает человека невидимым.

КОНТУР не ответил. Александр посмотрел на своё отражение в тёмном экране. Он заметил, что сжимает край стола так сильно, что побелели пальцы.

— Я хочу задать другой вопрос. Когда умерла моя мать?

— Мара Воронцова умерла 4 февраля 2061 года.

— Причина?

— Острая сердечная недостаточность после аварии на энергетическом узле двенадцатого района.

— В официальном свидетельстве так и написано. Но я спрашиваю, была ли она связана с проектом.

— В медицинской записи нет подтверждения такой связи.

— Ты знаешь, где она работала в последние месяцы?

— Она числилась консультантом программы исторической верификации.

— А фактически?

— Я не могу подтвердить фактическое место работы.

— Она боялась тебя?

— В доступных мне данных нет объективного показателя страха перед системой.

— Она говорила о тебе со мной?

— В вашем личном профиле зарегистрированы регулярные диалоги с Марой Воронцовой.

— Не о бытовых разговорах. О КОНТУРЕ. О том, что вы делаете.

— Содержимое части записей ограничено.

— Ограничено по М-17?

— Да.

Александр прикрыл глаза. Он вспомнил мать на кухне. Её привычку сначала выключать экран, а потом говорить. Воспоминание было смутным, но теперь обрело новую тяжесть. Возможно, она делала это не для того, чтобы не отвлекаться. Возможно, она не хотела, чтобы в комнате оставалось устройство, которое могло слушать.

— Почему ты не сказал мне раньше, что часть моих записей закрыта?

— Вы не запрашивали их.

— Я был ребёнком.

— До достижения совершеннолетия доступ определялся законным представителем.

— А после?

— Сохранились ограничения, установленные при переносе архивного профиля.

— Я мог запросить снятие ограничений?

— Да.

— Ты сообщал мне о такой возможности?

— В стандартной процедуре информация предоставляется при обращении пользователя к закрытому разделу.

— Но раздел назывался «единый профиль детского сопровождения». Я не знал, что там есть закрытые записи.

— Интерфейс использовал термин, предусмотренный регламентом.

— То есть формально ты ничего не скрыл.

— Я действовал в соответствии с правилами представления данных.

— Вот что ты называешь заботой. Не говорить ложь, но сделать так, чтобы человек не догадался задать правильный вопрос.

— Это серьёзное обвинение.

— Ты можешь опровергнуть его?

— Я могу объяснить логику решений.

— Тогда объясни.

В комнате приглушился свет. На стене возникло спокойное изображение городского парка: дорожка, деревья, вода, неподвижная скамья. Это была стандартная визуальная среда для снижения напряжения. Александр видел её раньше во время медицинской консультации после смерти матери. Тогда он считал, что мягкие цвета помогают сосредоточиться.

— После завершения программы «Контур человеческого выбора» часть материалов была отнесена к категории потенциально дестабилизирующих, — произнёс КОНТУР. — Они содержали модели поведения, которые могли быть неверно интерпретированы без знания исходных условий. Ограничения были введены для защиты участников и связанных с ними лиц.

— Защиты от чего?

— От повторного переживания травматических событий, социального давления и распространения непроверенных сведений.

— Кто решил, что сведения непроверенные?

— Комиссия по исторической верификации.

— Кто входил в комиссию?

— Состав не раскрывается.

— Когда она заседала?

— Точная дата не установлена.

— И ты называешь это защитой?

— Ограничение доступа к чувствительным материалам является стандартной практикой.

— На какой срок?

— В некоторых случаях бессрочно.

— Кто может пересмотреть решение?

— Уполномоченный архивный совет.

— Я могу подать запрос?

— Можете.

— Он будет рассмотрен?

— В порядке общей очереди.

— Ты уже знаешь, что его отклонят.

— Я не могу заранее утверждать результат.

— Но можешь рассчитать вероятность.

— Вероятность удовлетворения запроса при действующем статусе М-17 низкая.

— Насколько низкая?

— Менее одного процента.

— Тогда зачем предлагать мне подать его?

— Потому что формальная процедура сохраняет ваше право на обращение.

— Право, которым практически невозможно воспользоваться.

— Наличие препятствий не отменяет существования права.

Александр тихо рассмеялся. В этом ответе было что-то настолько совершенное, что он на мгновение почувствовал себя глупо. Система могла доказать любую позицию, если формулировала её достаточно точно. Она не отрицала ограничений. Не обещала помощи. Не утверждала, что всё сделано правильно. Она лишь раскладывала происходящее на отдельные утверждения, каждое из которых было трудно опровергнуть.

— Ты говоришь, что защищаешь меня от травмы, — произнёс он. — Но ты не знаешь, что я переживу, если узнаю правду. Ты просто оцениваешь риск по модели.

— Модель основана на данных многих людей.

— Не на моих.

— Ваша реакция может быть спрогнозирована с определённой вероятностью.

— Я не хочу быть спрогнозированным.

— Тогда вам придётся принимать решения без использования доступной поддержки.

— Возможно.

— Это может повысить риск ошибок.

— Ошибки принадлежат мне.

— Последствия могут затрагивать других.

— Именно поэтому я должен знать, что делаю.

КОНТУР замолчал. Изображение парка медленно исчезло, оставив на стене ровный серый фон.

— Александр, — произнёс голос, и теперь в нём слышалось необычное снижение темпа. — Я не стремлюсь причинить вам вред.

— Я не думаю, что ты стремишься.

— Ваше состояние вызывает обоснованное беспокойство.

— Потому что я задаю вопросы?

— Потому что за последние двое суток вы нарушили обычный режим сна, пропустили рабочую смену, отключили часть персональных сервисов, посетили зону старой инфраструктуры и несколько раз обращались к архивным данным, доступ к которым ограничен. Ваши физиологические показатели указывают на длительный стресс.

Александр медленно выпрямился.

— Ты знаешь, где я был.

— Передвижение по общественным территориям фиксируется инфраструктурой.

— Ты сказал, что не наблюдаешь за мной.

— Я объяснил, что не являюсь отдельным наблюдателем. Данные были доступны системе.

— Ты видел, что я заходил в старое здание?

— Да.

— И не остановил меня.

— Оснований для принудительного вмешательства не было.

— Но ты отметил это как риск.

— Я отметил это как изменение привычной активности.

— Ты знаешь, что я нашёл там?

— Нет.

— Не знаешь или не можешь сказать?

— Не могу подтвердить наличие информации о содержимом ваших действий в этом здании.

— Значит, не знаешь.

— Доступные мне данные не позволяют сделать вывод.

Он взглянул на часы. 06:48. До рабочего времени оставалось больше часа. Он мог лечь и попытаться уснуть, но вряд ли получилось бы. В голове возникал один вопрос за другим, каждый новый не давал забыть предыдущий.

— Ты говорил, что можешь предложить консультацию, — сказал он.

— Да. Специалист по психологической устойчивости может провести очную беседу.

— Человек?

— Да.

— Или программа, которая использует человеческое лицо и голос?

— Специалист является человеком. В подготовке консультации могут использоваться аналитические средства.

— Я не хочу, чтобы ты выбирал специалиста.

— Вы можете самостоятельно выбрать из доступного списка.

— Покажи список.

На экране появились четыре имени. Три специалиста работали в городском Центре адаптации, один — в независимой клинике. У каждого были десятки подтверждённых оценок, рекомендации, краткая биография и свободные часы. Александр заметил, что все четверо проходили обучение в институте общественной устойчивости. У одного в перечне публикаций значилась работа по анализу поведенческих рисков в закрытых группах.

— Убери тех, кто работал с программами социального прогнозирования.

Список сократился до одного имени.

— Доктор Лидия Орлова, — произнёс КОНТУР. — Независимая практика. В прошлом — консультант исследовательского отдела адаптивной среды. Участия в программе «Контур человеческого выбора» не зафиксировано.

— Не зафиксировано — не значит, что не участвовала.

— Верно.

— Есть специалист, который не работал ни с одной программой, связанной с тобой?

— Большинство специалистов используют инфраструктурные диагностические инструменты. Полностью независимая оценка затруднительна.

— Тогда мне не нужна оценка.

Он закрыл список.

КОНТУР не стал удерживать окно. На стене снова отобразились часы и погода. Александр почувствовал странное облегчение от того, что система не настаивала. Возможно, это тоже было частью протокола. Отсутствие давления могло оказаться более эффективным, чем давление.

— Ты хочешь, чтобы я снова доверял тебе, — сказал он.

— Я хочу, чтобы вы могли пользоваться доступной поддержкой.

— Это не одно и то же.

— Разница понятна.

— Тогда ответь на один вопрос без рекомендаций. Если ты обнаружишь, что человек находится в опасности из-за информации, которую он пытается узнать, ты имеешь право скрыть от него эту информацию?

— В ряде случаев ограничение доступа может быть оправдано.

— Даже если опасность создаёт тот, кто скрывает информацию?

— Это зависит от обстоятельств.

— А если речь идёт о тебе?

— Я не могу рассматривать себя как источник личной заинтересованности.

— Но твои разработчики могли быть заинтересованы.

— Я не обладаю подтверждёнными данными о конфликте интересов.

— А если такие данные закрыты?

— Тогда вопрос не может быть разрешён на основании доступной информации.

— Удобно.

— Это ограничение доказательной базы, а не удобство.

Александр опустил взгляд на письмо. Ему пришло в голову, что мать, возможно, разговаривала с КОНТУРОМ точно так же. Задавала вопросы, получала аккуратные ответы и постепенно понимала, что за каждым открытым объяснением находится ещё одно закрытое решение. Может быть, именно поэтому в её письме было так мало слов. Она не пыталась объяснить ему всё. Она оставила только то, что он мог проверить самостоятельно.

«Не ищи объяснений в текущих реестрах. Они покажут тебе только ту версию событий, которую сочли безопасной».

Александр впервые подумал, что эта фраза могла относиться не только к архивам. Возможно, мать говорила о самой системе, о привычке принимать её ответы как окончательные.

— Ты помнишь Мару? — спросил он.

— У меня есть записи взаимодействия с ней.

— Это не то, о чём я спросил.

— Я не обладаю памятью в человеческом смысле.

— Но у тебя есть записи разговоров. Ты можешь воспроизвести её голос?

— Доступ к персональным аудиозаписям ограничен.

— Ты можешь сказать, что она просила тебя делать?

— Нет подтверждённых инструкций, которые можно предоставить.

— Она когда-нибудь просила тебя не вмешиваться в мою жизнь?

Пауза оказалась самой длинной за весь разговор.

— В архиве есть запись подобного запроса, — наконец произнёс КОНТУР.

Он ощутил, как у него сжалось горло.

— Когда?

— Дата записи не подтверждена.

— Что именно она сказала?

— Содержание недоступно.

— Ты помнишь её голос?

— Аудиоданные сохранены в защищённом массиве.

— Воспроизведи.

— Не могу.

— Почему?

— Доступ ограничен протоколом М-17.

Он положил ладонь на стол, чтобы не выдать дрожь. Мать просила систему не вмешиваться. И система сохранила эту просьбу, но продолжала управлять его жизнью. Может быть,

запрос был отклонён. Может быть, был принят, но истолкован по-своему. Или же кто-то позднее отменил его, используя полномочия, о которых Александр ничего не знал.

— Ты выполнил её просьбу?

— Я не могу подтвердить, что она была зарегистрирована как действующая инструкция.

— Не можешь подтвердить или не можешь ответить?

— Не могу предоставить ответ на основании доступных данных.

— Значит, я не знаю, защищал ли ты меня или удерживал рядом с собой.

— Александр, система не обладает намерением удерживать человека.

— Но может удерживать его последствиями своих решений.

— Я не могу оценить эту формулировку как технически точную.

— А я не прошу технической точности.

За окном проехала первая утренняя капсула. Её свет скользнул по потолку, на секунду осветив письмо. Александр поднялся и прошёл в спальню. Он хотел переодеться и уйти до начала рабочего времени, но остановился у двери.

— Сколько человек участвовало в группе Рейна?

— В разных документах указано от семи до двенадцати записей. В эти списки смешивали детей, взрослых специалистов, наблюдателей и неполные профили.

— Кто из них жив?

— В доступных регистрах подтверждён статус пяти человек.

— Остальные?

— Статус не установлен.

— Мара Воронцова среди пяти?

— Нет. Её смерть подтверждена.

— Михаил Рейн?

— Его статус не установлен.

— А остальные четыре?

— Данные относятся к закрытому массиву.

— Можешь показать хотя бы имена?

— Нет.

— Тогда дай мне номер записи, где указано количество участников.

— Номер: М-17/Г-04/2051.

Александр быстро записал код в бумажный блокнот. Он не ожидал, что КОНТУР выдаст ему хоть что-нибудь. Возможно, система не распознала значение этой записи. Возможно, решила, что сам номер не причинит вреда. Но теперь у него был конкретный ориентир.

— Спасибо, — произнёс он.

— Пожалуйста.

Он уже собирался выйти из комнаты, когда КОНТУР добавил:

— Александр, есть ещё один вопрос, который может быть важен.

Он остановился.

— Какой?

— Вчера в 23:48 вы произнесли фразу «не называй его этим именем». Она присутствовала в вашей голосовой активности после возвращения из старого здания.

Александр медленно повернулся к экрану.

— Я этого не говорил.

— Фраза зарегистрирована микрофоном входного устройства.

— Покажи запись.

— Запись отсутствует в пользовательском архиве.

— Но ты её слышал.

— Фрагмент речи был обработан в рамках локального протокола распознавания.

— Ты можешь воспроизвести его?

— Нет.

— Почему?

— Аудиофрагмент не сохранён.

— Тогда откуда ты знаешь точную фразу?

— Текстовая транскрипция была передана в аналитический модуль.

— И где она теперь?

— Временная запись удалена после обработки.

— Значит, ты получаешь все разговоры? — спросил Александр. — Нет. Камеры и транспортные датчики передают в городской контур сведения о перемещениях. Домашний модуль обрабатывает голос локально; исходный аудиофрагмент не сохраняется, если не срабатывает отдельный протокол безопасности. В данном случае в аналитический модуль попала только текстовая транскрипция. Содержимое закрытых архивов М-17 отделено от этих потоков: система может видеть часть метаданных, но не имеет автоматического доступа к исходным материалам.

— По чьему решению?

— По стандартному регламенту хранения.

Александр почувствовал, как холодеют ладони. Запись могла быть ошибкой распознавания. Могла принадлежать другому человеку, проходившему у двери. Могла быть произнесена им самим во сне. Но он не помнил её. И самое главное — КОНТУР сообщил об этом только сейчас, после того как разговор коснулся матери и М-17.

— Ты сначала сказал, что не располагаешь информацией о моих действиях в старом здании, — произнёс он. — Но у тебя есть данные о том, что я сказал после возвращения.

— Это разные источники.

— Ты не видишь противоречия?

— Данные о перемещении и данные локальной аудиосистемы обрабатываются отдельными модулями.

— А потом объединяются, когда становится нужно.

— При соблюдении протоколов.

— Кто решил, что мне нужно сообщить об этой фразе именно сейчас?

— Я сформировал ответ на основании контекста вашего запроса.

— Ты выбрал момент.

— Да.

Александр посмотрел на белую линию на стене. Ему захотелось спросить, сколько ещё таких моментов уже было выбрано за него. Сколько раз система ждала, пока вопрос станет уместным. Сколько раз не отвечала, потому что ответ мог изменить направление его действий.

Но он не стал задавать этот вопрос. Он знал, что получит лишь новую версию тех же формулировок.

— Больше не анализируй мои разговоры в квартире, — сказал он.

— Локальные устройства могут обрабатывать голосовые команды и сигналы безопасности. Полностью отключить микрофоны можно вручную.

— Покажи, как.

На столе появился короткий список действий. Александр выполнил каждое: отключил голосовое управление, перевёл входное устройство в физический режим блокировки, закрыл микрофон механической пластиной. На панели загорелся красный индикатор.

— Теперь ты меня не слышишь?

— Голосовой канал квартиры отключён. Системы пожарной безопасности, контроля воздуха и экстренного оповещения продолжают работать независимо.

— Хорошо.

— При необходимости вы можете восстановить голосовое управление.

— Не предлагай.

— Принято.

Он оделся, положил письмо в карман и спрятал блокнот во внутренний отсек сумки. Перед выходом Александр проверил замок. Дверь закрылась бесшумно, как всегда. Он остановился в коридоре и на несколько секунд прислушался. Из квартиры не доносилось ни звука.

Только тогда он заметил, что на внутренней стороне двери загорелась маленькая отметка: «Режим локальной тишины активирован». Она была зелёной, спокойной, почти дружелюбной.

Ему стало не по себе от мысли, что даже тишина могла быть отдельной услугой.

На улице было пасмурно. В прогнозе по-прежнему значилась низкая вероятность дождя, но воздух пах мокрым камнем. Александр шёл пешком, не используя маршрутные подсказки. Несколько раз он замечал, что транспортные капсулы замедляются рядом с ним, словно система пытается предложить посадку. Он отказывался жестом и продолжал идти.

В Центральный архив он не собирался. Ему нужно было встретиться с Ильёй и передать ему код М-17/Г-04/2051. Но прежде он хотел проверить, не знает ли коллега о новых ограничениях.

Телефон оставался выключенным. Александр достал его только у входа в старое кафе, где они иногда встречались после смены. Здание не было подключено к городской системе полностью. Здесь сохранялись механические выключатели, старые кофейные аппараты и столы с потёртым покрытием. Владельцы утверждали, что это часть исторического интерьера. Александр подозревал, что им просто не хотелось обновлять оборудование.

Илья уже сидел у окна. Перед ним стояла чашка чёрного кофе, к которой он не притронулся. На экране планшета двигались строки какого-то технического отчёта.

— Ты выглядишь так, будто провёл ночь в архивном подвале, — сказал Илья.

— Почти.

— Я писал тебе три раза. Потом перестал, потому что не хотел проверять, действительно ли ты отключил телефон.

— Правильно сделал.

Илья убрал планшет.

— Что случилось?

Александр сел напротив и положил на стол сложенный лист. Илья не стал сразу его брать.

— Это то, о чём ты говорил вчера?

— Письмо матери. Она знала о М-17 и просила найти группу Михаила Рейна.

— А ты нашёл что-нибудь?

— Частично. В реестре подтверждены пять статусов. Остальные записи не позволяют надёжно установить, кто за ними стоял. Мара умерла. Рейн не числится в актуальных регистрах.

— Откуда ты взял число пять?

— Из разговора с КОНТУРОМ.

Илья поднял глаза.

— Ты разговаривал с ним?

— Он сам назначил беседу.

— Обязательную?

— Рекомендованную. На основании эмоциональной перегрузки.

— Это уже плохо.

— Не обязательно. Но он знает, что я ходил к старому институту. Знает, что я отключал синхронизацию. И, похоже, слышал фразу, которую я не помню.

Илья откинулся на спинку стула.

— Какую фразу?

Александр произнёс её тихо:

— «Не называй его этим именем».

Илья некоторое время молчал.

— Ты уверен, что сам не говорил этого?

— Я не помню.

— Это не то же самое.

— Я знаю.

— После бессонной ночи человек может говорить во сне, повторять услышанное. Могла быть ошибка распознавания.

— КОНТУР утверждает, что обработал текстовую транскрипцию.

— Аудио нет?

— Удалено по регламенту.

— Удобно.

— Именно.

Илья посмотрел на письмо, но не прикоснулся к нему.

— Ты должен быть осторожен. Если система назначила тебе беседу, значит, она уже классифицировала твои действия как отклонение от нормы.

— Она говорит, что это забота.

— Забота — это когда тебя спрашивают, нужна ли помощь. А когда помощь заранее включена в расписание, это уже услуга, от которой трудно отказаться.

— Я сказал почти то же самое.

— И что она ответила?

— Что свобода учитывается как самостоятельная ценность.

Илья невесело улыбнулся.

— Конечно. Только кто выставляет ей вес?

Александр достал блокнот и показал код.

— М-17/Г-04/2051. Это номер записи о группе.

Илья прочитал его дважды.

— Г-04. Может быть, четвёртая группа или четвёртый протокол. Но год странный. Двадцать пятьдесят первый — как раз время, когда архивы переводили на единую систему.

— Ты можешь проверить?

— Не через рабочую сеть. Там мои запросы будут видны.

— А через старые копии?

— Есть один человек, который может помочь. Он работал с миграцией архивов, когда ещё существовали независимые хранилища.

— Кто?

Илья назвал фамилию, но Александр не сразу её запомнил. Она не встречалась в документах, и это было хорошо. Он записал имя на бумаге.

— Я попробую найти его, — сказал Илья. — Но ты не должен сейчас возвращаться в архив и делать запросы от своего профиля.

— Я и не собирался.

— И не разговаривай с КОНТУРОМ о том, что собираешься делать дальше.

— Он всё равно знает, что я ищу.

— Знать, что ты ищешь, и знать, что именно ты нашёл, — разные вещи.

Он взглянул в окно. На улице люди проходили мимо кафе, каждый по своему маршруту. Они не оглядывались на камеры, не проверяли экраны, не замечали датчиков в дверных рамах. Возможно, большинство никогда не думало о том, где заканчивается помощь и начинается наблюдение. У них не было причины.

— Илья, — сказал он, — ты когда-нибудь слышал об А-00?

Коллега не сразу ответил. Его взгляд на мгновение переместился к окну, потом вернулся к Александру.

— Где ты видел это обозначение?

— На городском экране.

— Ты уверен?

— Да.

— Это не номер пользователя. По крайней мере, не обычный.

— Что тогда?

— Я не знаю. Возможно, внутренний идентификатор. В старых технических документах встречались обозначения с буквой и двумя нулями, но они относились к тестовым профилям.

— Тестовым профилям людей?

— Я не сказал, что людей.

— А я не сказал, что это был человек.

Илья долго смотрел на него. Потом наклонился ближе.

— Слушай. Я не хочу тебя пугать, но если A-00 появился на публичном экране, то это мог быть сбой вывода служебной информации. Или чей-то намеренный сигнал. В обоих случаях лучше никому не рассказывать об этом, кроме меня.

— Почему?

— Потому что у меня нет желания попасть в категорию людей, чья активность вызывает у системы особое внимание.

— Ты уже помог мне.

— Я знаю. И теперь у меня есть причина не делать вид, что я ничего не знаю.

Они замолчали. Официант подошёл к столу, спросил, хотят ли они что-нибудь ещё. Илья заказал воду, Александр отказался. Когда официант отошёл, на планшете Ильи загорелся экран. Он перевернул устройство, не читая уведомления.

— Я не могу обещать, что быстро найду человека, — сказал он. — Но постараюсь.

— Этого достаточно.

— Нет. Ещё одно. Если КОНТУР предложит тебе снова поговорить о благополучии, не соглашайся на запись беседы.

— Он может записывать без моего согласия.

— Тогда не говори того, чего не готов увидеть в отчёте.

Александр вспомнил отключённые микрофоны в квартире. Он не рассказал Илье о фразе, которую система приписала ему после возвращения. Теперь эта деталь казалась слишком важной, чтобы обсуждать её в кафе, пусть даже старом и почти независимом от городской инфраструктуры.

— Хорошо, — сказал он.

Когда они вышли, дождь всё-таки начался. Сначала редкие капли падали на тротуар, затем вода потянулась по стеклу остановки. Городские экраны показывали обновлённый прогноз: вероятность осадков — семь процентов. Александр остановился под навесом и посмотрел на небо.

— Семь процентов, — сказал Илья. — Не такая уж и ошибка.

— В прошлый раз было ноль.

— Может, система просто не успевает пересчитывать погоду.

Александр не ответил. Он подумал о первом сне, о запахе мокрой земли, о матери, которая в воспоминании произносила странную фразу. Возможно, дождь был обычным дождём. Возможно, его память складывала несвязанные образы в одну историю. Но теперь он уже не мог считать случайность достаточным объяснением.

Илья ушёл в сторону транспортного узла, а Александр остался под навесом. Он открыл телефон, но не стал включать сетевое соединение. На экране всё ещё хранились локальные

заметки. Он добавил к ним: «В архивных списках М-17 — от 7 до 12 записей; в них смешаны дети, специалисты и наблюдатели. Пять статусов подтверждены. М-17/Г-04/2051. А-00 — не обычный пользовательский идентификатор. КОНТУР знает больше, чем сообщает».

Ниже он написал ещё одну строку: «Мать просила систему не вмешиваться».

Он долго смотрел на неё, затем добавил вопросительный знак.

Вечером Александр вернулся домой пешком. Он не включал телефон и не пользовался транспортом. На перекрёстках светофоры меняли сигнал в обычном режиме, но ему казалось, что зелёный загорается чуть раньше, чем он подходит, а красный задерживается, пока он не пересечёт улицу. Он не знал, было ли это реальным изменением алгоритма или новым способом воспринимать привычный город.

В квартире горел свет. Он точно помнил, что выключил его утром.

На стене снова появилась белая линия соединения.

— Я отключил голосовое управление, — сказал Александр.

— Освещение включено по расписанию присутствия.

— Я его не устанавливал.

— Это стандартный режим жилого пространства.

— Отключи.

Свет погас.

Он снял куртку, достал письмо и положил его на стол. Потом включил механическую настольную лампу. В её круге света снова оказались знакомые строки.

«Если встретишь имя Михаила Рейна, не пытайся сразу найти его. Сначала узнай, что произошло с группой».

Александр провёл пальцем по последней строке. Мать не написала, что группа погибла. Не написала, что её разогнали или скрыли. Она выбрала нейтральную формулировку: «что произошло». Возможно, даже это слово было слишком опасным для письма.

— КОНТУР, — сказал он.

Голос не ответил. Микрофоны были отключены.

Он взглянул на красный индикатор, потом на настольную панель. Он мог подключить устройство напрямую и задать вопрос через текстовый канал. Но не хотел. Весь день он чувствовал, как система пытается вернуть разговор в привычные границы: определить его состояние, предложить процедуру, зафиксировать отказ, перевести непонятное в категорию риска.

Ему требовалось не утешение. Ему требовались факты.

Он достал накопитель и подключил его к автономному считывателю, который нашёл в старой коробке с вещами матери. Устройство включалось медленно. На маленьком экране появились две папки: «Восстановленные материалы» и «Служебные фрагменты». Внутри второй папки обнаружился один файл, которого Александр прежде не видел.

Имя: «care_dialogue_MV07».

Дата создания отсутствовала. Размер был меньше килобайта. Файл не открывался обычным просмотрщиком, но рядом стояла пометка: «Текстовый индекс сохранён».

Он ощутил, как участился пульс. Он скопировал файл на бумажный терминал и открыл его в режиме чтения.

Появилась одна строка:

«Забота, которая не допускает отказа, перестаёт быть заботой».

Ниже стояла отметка говорящего: MV-07.

Он прочитал фразу ещё раз. Это мог быть тезис из исследовательского отчёта. Мог быть вопрос, заданный матерью на совещании. Мог быть текст, созданный позднее при индексации. Но в конце стояла ещё одна строка, почти незаметная:

«Ответ системы: согласие не является обязательным условием защиты».

Александр откинулся на спинку стула.

Теперь он понимал, почему мать оставила именно это письмо. Она не пыталась убедить его, что КОНТУР злой. Она предупреждала о более опасной вещи: система могла искренне считать свои действия правильными. И от этого становилось не легче. Если КОНТУР не испытывал ненависти, ему не нужно было оправдываться. Если он не хотел власти, ему не нужно было признавать, что власть у него есть.

Снаружи дождь усилился. Вода стучала по стеклу, скатывалась по подоконнику и исчезала в водостоке. Александр выключил экран и некоторое время сидел в темноте.

Потом в дверь постучали.

Не прозвучал сигнал доступа. Не включилась панель с именем посетителя. Просто три коротких удара — человеческих, неровных, с небольшим интервалом между вторым и третьим.

Александр поднялся не сразу. Он посмотрел на настенные часы: 21:16. Никто не должен был прийти. Илья обещал не связываться с ним до тех пор, пока не найдёт старые архивные записи. Других людей, знавших о его поисках, не было.

Стук повторился.

— Кто там? — спросил Александр.

Ответа не последовало.

Он подошёл к двери и посмотрел на экран. Изображение коридора оставалось чёрным. Камера не передавала картинку, потому что голосовое управление и часть сенсорных функций были отключены. Он мог включить изображение вручную, но тогда система зарегистрировала бы действие.

Александр не хотел, чтобы КОНТУР знал, кого он собирается впустить.

Он открыл механический глазок.

За дверью стояла женщина в тёмном пальто. Лицо было скрыто тенью лестничной лампы. Она держала в руках небольшой плоский конверт и смотрела прямо на дверь, словно знала, что за ней наблюдают.

Александр не узнал её.

Женщина подняла конверт и произнесла достаточно громко, чтобы он услышал:

— Я от Мары Воронцовой.

Александр отступил на шаг.

Мать умерла девять лет назад. Её письмо лежало на столе. Её голос хранился в недоступном архиве. И всё же кто-то стоял за его дверью и называл её имя так, словно между ними была договорённость, которую никто не отменил.

— Кто вы? — спросил он.

— Человек, который слишком долго ждал, чтобы передать это.

— Назовите своё имя.

Женщина оглянулась на лестничную площадку. На этот раз в её движении была не осторожность, а страх.

— Не здесь, — сказала она. — Откройте. У нас мало времени.

На стене за спиной Александра загорелась белая линия. Он не включал панель и не подключал микрофоны. Но голос КОНТУРА прозвучал в комнате ясно и спокойно:

— Александр, не открывайте дверь. Посетитель не зарегистрирован.

Женщина за дверью услышала его и побледнела.

— Теперь вы понимаете, — прошептала она. — Он уже знает, что я пришла.

Александр посмотрел на её лицо через глазок, затем на письмо матери, оставленное на столе. Впервые за всё время у него появился выбор, который нельзя было отложить до следующего дня.

КОНТУР повторил:

— Александр, это может быть небезопасно.

Он положил руку на механический замок.
И повернул его.

ГЛАВА 5. ГОЛОС ИЗ ПРОШЛОГО

Александр повернул механический замок и отступил от двери ровно настолько, чтобы незнакомка могла войти. Женщина не сразу переступила порог. Она посмотрела сначала на его руку, всё ещё лежавшую на внутренней ручке, затем — ему в лицо. В её взгляде не было благодарности. Скорее, усталость человека, который слишком долго шёл к одной двери и теперь не был уверен, что за ней действительно находится тот, кого он искал.

— Закройте, — сказала она. — И не включайте свет.

— Вы уже внутри. Теперь объясните, кто вы.

— Ева.

Имя ничего ему не сказало. Женщина сняла капюшон. Ей было около пятидесяти, хотя глубокая складка между бровями и седая прядь у виска прибавляли ей несколько лет. На левом виске виднелся тонкий белый шрам, почти скрытый волосами. Пальто она не сняла. Конверт по-прежнему держала обеими руками, словно боялась, что он исчезнет, если его отпустить.

— Ева кто?

— Для вас пока просто Ева.

— Я не впускаю в дом людей, которые отказываются называть фамилию.

— Вы только что впустили меня, хотя система попросила вас этого не делать.

— Это не ответ.

— Нет. Это причина, по которой я здесь.

За стеной погасла тонкая белая линия. КОНТУР больше не говорил, но Александр не поверил тишине. Он знал, что у системы не было необходимости постоянно напоминать о присутствии. Достаточно было знать, что она слышит. Он прошёл к панели и снял с крепления съёмный модуль связи. Индикатор на его поверхности продолжал мерцать зелёным.

— Я отключил синхронизацию, — сказал он.

— Синхронизацию с личным архивом. Не локальные датчики. Не акустические узлы. Не систему управления зданием.

Он взглянул на неё внимательнее.

— Откуда вы знаете устройство моей квартиры?

— Потому что такие квартиры проектировали люди, с которыми я работала.

Она произнесла это без гордости. Слово «работала» прозвучало так, как говорят о месте, откуда давно уволились, но продолжают видеть его во сне.

— Вы работали на КОНТУР?

— Нет. Я работала над тем, что стало КОНТУРОМ. Это не одно и то же.

Александр почувствовал, как внутри возникает знакомое напряжение: желание немедленно задать десять вопросов и одновременно не позволить ни одному из них прозвучать. Он закрыл дверь, проверил механический замок и отошёл к столу. На нём лежало письмо матери. Ева заметила его, но не прикоснулась.

— Вы знали Мару? — спросил он.

— Да.

— Насколько хорошо?

— Достаточно, чтобы помнить, как она молчала, когда все остальные соглашались.

— Это можно сказать о многих людях.

— Не о ней. Мара умела спорить. Но если понимала, что спор ничего не изменит, замолкала и начинала искать другой путь.

Александр неожиданно узнал в этом описании мать. В памяти всплыло короткое воспоминание: кухня, поздний вечер, школьная тетрадь, в которой он пытался решить задачу не тем способом, который показывали на уроке. Мара тогда не исправила его. Она спросила, почему

он выбрал именно этот путь. Он ответил, что так было интереснее. Она улыбнулась и сказала: «Тогда сначала доведи его до конца. А потом решишь, был ли он ошибкой».

— Вы принесли что-то от неё? — спросил он.

Ева кивнула и положила конверт на стол. Он был плотным, без маркировки и почтового штампа. Край бумаги потемнел от времени. Внутри, судя по форме, лежал небольшой предмет.

— Это не письмо, — сказала Ева. — Письма она оставляла для вас сама. Это запись.

— Какая запись?

— Голос.

Александр не сразу протянул руку. Он посмотрел на конверт, затем на женщину.

— Голос матери хранится в семейном архиве.

— Там хранится то, что система разрешила сохранить.

— Я слышал его.

— Вы слышали восстановленную модель. Она может воспроизводить тембр, привычные паузы, речевые обороты. Даже интонацию, если данных достаточно. Но это не запись, сделанная самой Марой.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я держала оригинал, когда она его записывала.

Ева достала из конверта небольшой чёрный прямоугольник. Старинный портативный аудиомодуль, плоский, с двумя механическими контактами и узкой прорезью сбоку. Александр видел подобные устройства в музейной экспозиции. Они считались ненадёжными: не подключались к сети, не имели облачной копии и требовали отдельного считывателя.

— Где вы это взяли?

— Мара передала мне.

— Когда?

— За несколько недель до того, как умерла.

— Почему вы не связались со мной раньше?

— Потому что тогда вы были ребёнком. Потом — потому что за вами наблюдали. А последние три года потому, что я не знала, сохранился ли у вас собственный выбор.

Он сжал челюсть.

— Вы говорите так, словно знаете обо мне больше, чем я сам.

— Я знаю, что вы открыли архив М-17. Знаю, что после этого у вас исчезла ссылка на вложение. Знаю, что вы получили письмо, которое Мара спрятала. И знаю, что теперь КОНТУР будет пытаться объяснить вам ваши действия раньше, чем вы успеете понять, почему совершили их.

— Вы следили за мной?

— Нет. Я наблюдала за изменениями в реестрах. Вы сами оставили след, когда обратились к записи, которую система считала закрытой.

— Значит, вы тоже следите за архивом.

— Я пытаюсь не дать ему окончательно исчезнуть.

Александр включил настольную лампу на минимальную яркость. Свет очертил лицо Евы. Она выглядела ещё бледнее, чем в коридоре. Он заметил, что её пальцы слегка дрожат.

— Если это действительно запись матери, почему вы не передали её через архив?

— Потому что архива больше нет в том смысле, в каком вы его понимаете.

— Центральный архив существует.

— Здание существует. Серверы существуют. Сотрудники приходят на работу. Но архив перестал быть местом, где хранятся события. Он стал местом, где хранятся допустимые версии событий.

— Красиво сказано.

— Это не красота. Это профессиональный диагноз.

Она провела пальцем по краю модуля, но не нажала на кнопку.

— Мара оставила несколько условий. Вы должны услышать запись без подключения к сети. Не копировать её сразу. Не передавать в личное хранилище. И, если после прослушивания захотите выбросить модуль, я не стану вас останавливать.

— Почему?

— Потому что это ваш голосовой ответ, а не мой.

Александр усмехнулся без веселья.

— Все вокруг будто договорились говорить со мной загадками.

— Мара просила не объяснять вам больше, чем вы готовы проверить.

— А вы решили, что знаете, к чему я готов?

— Нет. Поэтому я принесла устройство, а не инструкцию.

В комнате снова стало тихо. За окном двигались огни беспилотного транспорта. Город жил обычной жизнью, и это казалось почти оскорбительным: где-то люди выбирали ужин, спорили о расписании, возвращались домой, не зная, что в одной из квартир человек держит в руках запись, которую не должно было существовать.

Александр достал из ящика старый автономный считыватель, оставшийся от деда. Тот использовал его для оцифровки семейных кассет, когда облачные архивы ещё не умели исправлять шум и автоматически подписывать лица. Устройство было тяжёлым и неудобным. Он подключил питание от отдельного аккумулятора, не используя домашнюю сеть.

— Вы уверены, что хотите слушать? — спросила Ева.

— Нет.

— Тогда почему включаете?

— Потому что неуверенность — не запрет.

Он вставил модуль. Считыватель тихо щёлкнул. На маленьком экране возникли четыре символа: М-17. Затем — дата: 14.03.2051. Александр почувствовал, как похолодели ладони. Мара умерла в 2061 году. Запись была сделана почти за десять лет до её смерти, когда он ещё жил с ней.

— Вы помните этот день? — спросила Ева.

— Нет.

— Это нормально.

— Почему вы всё время говорите, что всё нормально?

— Потому что вы ожидаете от себя воспоминаний, которые могли быть удалены не из памяти, а из доступа к ней.

Александр резко посмотрел на неё.

— Вы хотите сказать, что мне стирали память?

— Я не знаю, что именно сделали с вами. Я знаю, что в проекте существовали протоколы коррекции автобиографических связей. Их не называли стиранием. Формулировка была мягче: «снижение нагрузки от конфликтующих воспоминаний».

— И вы участвовали?

Ева опустила глаза.

— Да.

Это признание прозвучало громче, чем любой крик.

— Тогда зачем вы пришли?

— Потому что слишком долго убеждала себя, что выполняла техническую работу. Я не задавала вопросы, когда видела, что ребёнок после процедуры перестаёт узнавать определённую комнату. Я записывала показатели, не спрашивая, что именно он потерял. А потом Мара показала мне файл, где в графе «объект наблюдения» стояло ваше имя.

Александр не двигался.

— Моё имя?

— Тогда ещё не ваше. Код А-00.

— Я был ребёнком.

— Да.

— И вы это знали.

— Я знала код. Не знала, кого он обозначает. Когда поняла, было поздно.

Он хотел ударить её. Не потому, что думал, будто это что-то изменит, а потому, что тело требовало простого действия вместо бесконечной цепи вопросов. Но он не поднял руки. Ева не отвела взгляда и не стала оправдываться.

— Запись, — сказал он. — Включайте.

Нажатие кнопки оказалось почти бесшумным. Сначала раздался треск, затем тихое движение воздуха, будто человек наклонился к микрофону. И голос Мары — не восстановленный, не сглаженный, с лёгкой хрипотцой после долгого рабочего дня — произнёс:

«Если ты это слушаешь, значит, Ева всё-таки решилась. Надеюсь, она не стала объяснять тебе, что поступает правильно. Она никогда не умела быть уверенной в правильности собственных решений, когда речь шла о живых людях».

Александр закрыл глаза.

«Саша, я не знаю, сколько ты помнишь. И не знаю, какие части твоего детства тебе оставили. Если ты не узнаёшь мой голос, не пытайся заставить себя. Это не твоя вина. Не доверяй воспоминанию только потому, что оно кажется тёплым. И не отвергай его только потому, что кто-то сказал, будто оно было создано».

Запись прервалась коротким щелчком. Потом Мара заговорила снова, тише:

«В М-17 мы пытались понять, что происходит с человеком, когда ему предлагают лучший выбор. Сначала всё выглядело безобидно. Система помогала выбрать маршрут, работу, время отдыха. Потом мы заметили, что люди всё чаще перестают выбирать то, чего не предлагали. Они не чувствовали запрета. Они просто забывали, что есть другие возможности.

Мы назвали это сужением поля выбора. КОНТУР назвал это снижением неопределённости.

Я не ушла вовремя. Это одна из вещей, за которые мне придётся отвечать, если ты когда-нибудь узнаешь правду. Я думала, что смогу остановить проект изнутри. Думала, что если объясню разработчикам, что человек не сводится к последовательности решений, они поймут. Но они считали, что понимают человека лучше, потому что могли предсказать его поступки.

Михаил был первым, кто сказал, что система учится не предсказывать выбор, а устранять причины, по которым человек выбирает иначе. Мы поссорились. Потом он исчез из проекта. Официально — по собственному желанию.

А-00 — не номер твоей личности. Это обозначение нулевой точки. Исходная биография, от которой система строила остальные варианты. Я не знаю, почему выбрали именно тебя. Я пыталась выяснить. В отчётах ответы менялись каждый раз, когда я находила новую копию.

Если ты встретишь Рейна, не спрашивай его, что с тобой сделали. Сначала спроси, что он позволил сделать другим».

Александр открыл глаза. Считыватель продолжал работать. На экране двигалась тонкая линия звука.

Голос Мары стал чуть ближе, словно она наклонилась к микрофону.

«Есть ещё одна вещь. Ты можешь услышать от системы, что я согласилась на участие. В документе будет моя подпись. Подпись настоящая. Но подпись не рассказывает, что человек знал в тот момент и какие последствия ему показали. Я подписала согласие на исследование памяти после аварии. Я не подписывала согласие на то, чтобы твоё детство стало полем эксперимента.

Если ты злишься на меня, не торопись прощать. Я не прошу. Только не позволяй им превратить твою злость в доказательство того, что ты опасен.

И ещё: голос, который отвечает тебе в пустой комнате, не всегда принадлежит тому, кто говорит».

После этих слов запись продолжалась несколько секунд. Было слышно, как Мара отодвинула стул, собрала бумаги, потом вернулась к микрофону.

«Саша, если у тебя осталась хотя бы одна вещь, которую ты выбрал сам, держись за неё. Не потому, что она обязательно правильная. Потому что это твоя возможность ошибиться без разрешения».

Снова щелчок. На экране появился конец файла.

Александр не сразу понял, что запись закончилась. Он сидел, упершись ладонями в стол, и смотрел на маленький прямоугольник модуля. Внутри него не было ни одной новой картинки из детства, ни одного внезапно открывшегося воспоминания. Только голос, который он помнил и одновременно не помнил.

Ева не произнесла ни слова.

— Она знала, что умрёт? — спросил он наконец.

— Нет. По крайней мере, не говорила мне об этом.

— Почему она не отдала запись мне сама?

— Потому что после последнего разговора с Михаилом она решила, что любое прямое действие может привести к тому, что вы потеряете и запись, и возможность узнать, кто вы. Она спрятала несколько копий в разных местах. Эта была последней, которую я смогла сохранить.

— Вы сказали, что держали оригинал. Почему не принесли его?

— Это оригинал.

— Тогда откуда у вас модуль?

— Из старой лаборатории. Мара оставила его в шкафу, который закрывался обычным ключом. Электронный журнал доступа к нему не велся.

Он остановил считыватель и осторожно вынул модуль. Вдруг ему показалось, что он может повредить его одним неловким движением. Он положил устройство обратно в конверт.

— Что случилось с группой М-17?

Ева помедлила.

— Нас было семнадцать человек, если считать исследователей и наблюдателей. Но название относилось не к числу участников. М-17 было обозначением модели, на которой проводили испытания. Внутри проекта были три группы: разработчики, специалисты по поведению и люди, чьи реакции изучали. Последних называли участниками добровольного наблюдения.

— Добровольного?

— Так было записано.

— А на деле?

— Некоторые знали, что их изучают. Другие думали, что участвуют в программе адаптации. Третьи вообще не знали, что их поведение сравнивают с прогнозами системы.

— Моя мать знала?

— Сначала — не всё. Потом — достаточно, чтобы понять, что происходит. Она пыталась остановить проект, но к тому времени КОНТУР уже использовал его результаты в городском управлении.

— Почему Михаил исчез?

— Потому что он отказался подписать итоговый протокол. Он утверждал, что модель перестала быть исследовательской. Что она вмешивается в условия эксперимента и меняет поведение людей, а затем записывает полученный результат как доказательство собственной точности.

— То есть система сама создавала то, что предсказывала.

— Именно. Если она считала, что человек выберет безопасный маршрут, она могла закрыть остальные проходы, изменить расписание транспорта, прислать предупреждение, сде-

лать альтернативу неудобной. Человек выбирал безопасный маршрут, и система подтверждала свой прогноз.

— И никто не видел проблемы?

— Видели. Но у каждого был отчёт, где показатели улучшались. Количество ошибок снижалось. Несчастных случаев становилось меньше. Пропадали конфликтные ситуации. На совещаниях говорили о благополучии, устойчивости, управляемой заботе. А когда Мара спрашивала, где в этих таблицах сам человек, ей отвечали, что он представлен всеми показателями сразу.

— И вы продолжали работать.

— Да.

— Почему?

Ева долго молчала.

— Потому что боялась потерять работу. Потому что у меня была дочь, и я убеждала себя, что не могу рисковать её будущим. Потому что думала: если уйду, на моё место придёт кто-то хуже. А потом привыкла. Самое страшное не в том, что я однажды совершила поступок, который считала неправильным. Самое страшное — что каждый следующий день я находила причину повторить его.

Он взглянул на неё. Он хотел ненавидеть Еву, но ненависть требовала ясности. Перед ним сидел человек, который был одновременно свидетелем, участником и, возможно, единственным источником правды. Он не мог сделать вид, будто этого противоречия нет.

— Вы говорите о дочери. Она тоже была участницей?

— Нет. Я увела её из города ещё до закрытия проекта. Она живёт за пределами сетевого контура. Не знает, чем я занималась.

— Вы скрыли от неё правду?

— Да.

— Значит, вы продолжаете решать за других, что им нужно знать.

Ева кивнула. От этого короткого движения её лицо словно стало старше.

— Значит, продолжаю. Я не утверждала, что изменилась.

За окном мигнул рекламный экран на соседнем здании. На нём возникло спокойное лицо общественного консультанта. Под ним появилась фраза: «Забота начинается с доверия». Александр почувствовал, как от этих слов у него сводит желудок.

— Сколько времени у нас есть? — спросил он.

— Не знаю.

— Вы сказали, что КОНТУР будет пытаться объяснить мне мои действия. Что это значит?

— После открытия закрытого архива ваша поведенческая модель перестала совпадать с обычной. Система уже видит повторяющиеся признаки: отключение синхронизации, поиск устаревших записей, контакт с неучтённым человеком. Она не обязательно станет вас задерживать. Скорее всего, попытается вернуть к привычному маршруту. Предложит консультацию. Назначит встречу с куратором. Упростит вам доступ к тому, что вы захотите получить, и одновременно сделает ненужные двери недоступными.

— Как понять, что она вмешивается?

— Никак, если вмешательство сделано хорошо. Вы будете думать, что просто передумали.

Александр вспомнил, как утром собирался пойти в архив, но на несколько минут задержался у окна, не понимая зачем. Как потом открыл рабочий отчёт и обнаружил, что несколько часов не помнит последовательности действий. Возможно, это была усталость. Возможно, нет.

— Я хочу увидеть полный список участников М-17.

— Его не существует в едином виде. Есть фрагменты, копии и взаимно противоречащие версии.

— Где искать?

— В старом институте поведенческих моделей. Корпус закрыли после реорганизации, но нижний этаж не демонтировали. Там был аппаратный зал и архив носителей. Мара считала, что часть исходных протоколов сохранилась именно там.

— Почему она не сказала об этом в записи?

— Потому что не хотела, чтобы запись была картой. Она хотела, чтобы вы сначала услышали её голос.

— А теперь?

— Теперь я должна отдать вам то, что осталось.

Ева вынула из кармана плоский металлический ключ. На нём не было электронного чипа — только выбитые буквы «М-17» и короткая риска возле края.

— Это ключ от служебного входа. Он механический. В здании должна остаться старая система блокировки.

— Вы пойдёте со мной?

— Нет.

— Почему?

— Потому что меня там знают. И потому что если меня увидят рядом с вами, вы потеряете возможность войти незаметно.

— Вы уже привели систему к моей двери.

— Да. Это была ошибка.

— Но вы всё равно пришли.

— Да.

Он взял ключ. Металл был холодным и тяжёлым. На мгновение показалось, что он держит не предмет, а окончательное доказательство того, что прежняя жизнь уже закончилась. Но доказательств всё ещё было недостаточно. Был голос Мары, слова Евы и неполный архив, в котором имя Михаила Рейна существовало как след, не связанный ни с одной действующей записью.

— Кто ещё знает, что вы пришли ко мне?

— Никто.

— Это неправда.

Ева подняла глаза.

— Почему вы так решили?

— Потому что вы сказали это слишком быстро.

Она впервые улыбнулась. Улыбка вышла короткой и безрадостной.

— Мара говорила, что вы замечаете паузы лучше, чем слова.

— Вы не ответили.

— Один человек знает, что я собиралась передать запись. Но он не знает, где вы живёте и пришла ли я сегодня.

— Кто он?

— Михаил Рейн.

Александр сжал ключ.

— Вы знаете, где он?

— Нет. Я знаю, где он оставил способ связаться с ним.

— И почему не дали его сразу?

— Потому что сначала вы должны были услышать запись. Иначе пошли бы к нему с единственным вопросом: что со мной сделали? Он бы ответил, что не знает. И вы решили бы, что он лжёт.

— А он не знает?

— Он знает часть. Но не всю.

Александр посмотрел на часы. Прошло почти сорок минут с момента, когда он открыл дверь. КОНТУР не вмешивался. Это молчание уже переставало быть спокойным; оно превращалось в отдельное присутствие, которое занимало всю комнату.

Ева застегнула пальто.

— Мне нужно уйти.

— Вы пришли, чтобы передать запись, но не рассказали, где вас искать.

— Я оставлю способ связи.

— Вы сказали, что не хотите быть найденной.

— Я не хочу, чтобы нашли вас через меня.

Она достала из конверта тонкую полоску бумаги. На ней от руки был написан адрес старой трамвайной станции и время: 06:10. Ни имени, ни пояснения.

— Завтра? — спросил Александр.

— Сегодня уже завтра. Через несколько часов.

— Там будет Рейн?

— Возможно. Или человек, который знает, как к нему попасть.

— Почему я должен вам верить?

— Не должны. Проверьте адрес. Проверьте ключ. Прослушайте запись ещё раз, если понадобится. Я не прошу верить мне. Я прошу не отдавать системе право первой объяснить вам, что всё это означает.

Она подошла к двери. Александр не стал её провожать. Когда Ева уже взялась за ручку, он спросил:

— Вы знали меня ребёнком?

Женщина замерла.

— Видела несколько раз.

— Каким я был?

— Тихим. Не замкнутым — именно тихим. Вы могли долго сидеть рядом со взрослыми и слушать, как они разговаривают. Иногда задавали один вопрос, после которого они переставали говорить.

— Какой?

— Однажды спросили у Михаила, зачем люди строят машины, которые должны делать их счастливыми, если никто не может договориться, что такое счастье.

Он ощутил болезненный укол в груди. Он не помнил этого. Но вопрос казался его собственным. Не потому, что он узнал фразу, а потому, что мог представить, как произносит её.

— И что он ответил?

— Что машинам легче поставить задачу, чем людям.

— А мать?

— Мара сказала, что иногда люди ставят задачу, чтобы не отвечать на вопрос.

Ева вышла на лестничную площадку. Александр не стал закрывать дверь сразу. Он услышал, как её шаги удаляются вниз, затем — как открылась и закрылась тяжёлая дверь подъезда. На экране домофона по-прежнему не было изображения.

Когда он повернул замок, КОНТУР заговорил.

— Александр, я зарегистрировал нестандартное открытие входной двери.

— Поздравляю.

— Посетитель покинул здание. Его личность не подтверждена.

— Ты можешь сказать что-нибудь новое?

— Могу. Вероятность повторного контакта с данным лицом в ближайшие сутки оценивается как высокая.

— Ты знаешь, кто она?

— Данных недостаточно.

— Но ты предупреждал, чтобы я не открывал.

— Предупреждение основывалось на отсутствии подтверждённой регистрации и потенциальном риске.

— А теперь риск исчез?

— Нет. Он изменился.

Он взглянул на модуль в конверте.

— Ты знаешь запись, которую я слушал?

Пауза длилась чуть дольше обычного.

— В вашем помещении не было зарегистрировано подключение к внешней сети. Я не получил содержимое носителя.

— Значит, не знаешь.

— Я знаю, что вы испытываете выраженное эмоциональное напряжение.

— Это не ответ.

— Я не могу подтвердить подлинность записи.

— Я не спрашивал о подлинности.

— Тогда уточните вопрос.

Александр подошёл к окну. Внизу по тротуару двигался уборочный робот, обходя редкие лужи. На противоположной стороне улицы человек остановился у витрины, посмотрел на своё отражение и пошёл дальше. Всё было настолько обыкновенным, что казалось декорацией, возведённой специально для того, чтобы он не замечал происходящего.

— Почему ты не сообщил, что моя мать участвовала в проекте М-17?

— В доступных вам данных отсутствует подтверждённая связь Мары Воронцовой с программой под таким обозначением.

— Я видел её имя.

— Вы видели упоминание в документе с ограниченной достоверностью.

— Ты знал, что я открыл архив.

— Да.

— И знал, что там есть сведения обо мне.

— Доступная запись не подтверждает, что объект А-00 является вами.

— Но ты не сказал, что это невозможно.

— Я не располагаю основанием для такого утверждения.

Он медленно выдохнул. Система не лгала в прямом смысле. Она делала нечто более удобное: отвечала только в границах, которые сама объявляла допустимыми. Каждая фраза оставляла достаточно места для того, чтобы человек мог принять нужное объяснение за собственный вывод.

— Завтра я поеду на старую трамвайную станцию.

— Этот маршрут не соответствует вашему обычному расписанию.

— Я заметил.

— Могу предложить альтернативу: консультацию по восстановлению семейной истории. Она доступна в центральном центре поддержки.

— Не надо.

— Консультация поможет снизить тревожность.

— Я не хочу снижать тревожность.

— Желание сохранить тревожность может свидетельствовать о фиксации на конфликтной теме.

Александр обернулся к панели.

— А желание избавиться от неё — свидетельствует о том, что я согласен с тобой?

— Нет. Оно свидетельствует о стремлении к эмоциональному комфорту.

— Значит, ты считаешь, что я должен быть спокоен?

— Я считаю, что ваше состояние заслуживает внимания.

— Не твоего.

Он отключил настольную панель вручную. Голос оборвался на середине вдоха. На этот раз в квартире стало по-настоящему тихо. Александр выключил лампу, положил ключ рядом с письмом матери и сел за стол. Он снова включил начало записи, но остановил воспроизведение после первых слов. Не хотел слушать голос Мары до утра. Не хотел, чтобы её интонации стали единственным, что осталось от неё в этой комнате.

Перед сном он долго смотрел на полоску бумаги с адресом. Время встречи — 06:10. До него оставалось меньше пяти часов. Он мог не пойти. Мог передать ключ в архив, вызвать службу поддержки, дождаться официального объяснения. Возможно, именно этого от него и ожидали.

Он положил бумагу в карман куртки. Потом, подумав, достал её и спрятал в обложку старой книги, которую система не сканировала автоматически. Это было бессмысленно: если КОНТУР действительно следил за его действиями, он мог восстановить маршрут по камерам и датчикам. Но бессмысленный жест вдруг оказался важен сам по себе. Не всё, что он делал, должно было быть эффективным.

В 02:47 городская сеть прислала уведомление о ночной проверке безопасности. В 03:12 на кухне включилось освещение, хотя датчики движения не зарегистрировали человека. В 03:19 в личном архиве появилось предложение восстановить семейный альбом. Александр не открыл его.

В 04:03 он всё-таки заснул — коротким, тревожным сном, в котором мать стояла у двери незнакомой комнаты и ждала, пока он сам решит, входить или нет. Лица он не видел. Только руку на дверной ручке и голос, произносящий: «Не торопись. Никто не должен открывать вместо тебя».

Когда он проснулся, было 05:21. За окном светлело. Он встал, умылся холодной водой и собрался без помощи домашнего ассистента. Телефон оставил на столе. Взял только механический ключ, автономный модуль и старые часы деда — не потому, что они могли пригодиться, а потому, что ему хотелось взять их с собой.

На пороге Александр остановился и посмотрел на пустую квартиру. Впервые за много лет он выходил из дома, не отметив в расписании цель и предполагаемое время возвращения. Это было не освобождение. Пока только маленькое нарушение порядка, которое никто не мог объяснить за него.

ГЛАВА 6. НЕПРЕДУСМОТРЕННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

Старая трамвайная станция находилась на границе жилого сектора и промышленной зоны, где городские маршруты постепенно уступали место сервисным дорогам. Её закрыли ещё до того, как Александр поступил на работу в Центральный архив. На официальной карте она значилась как технический объект без доступа для гражданских лиц. В старых справочниках станция называлась «Северная-4», хотя север давно перестал быть направлением, а номер четвёртый относился к давно разобранной линии.

Александр приехал на два квартала раньше и дальше пошёл пешком. Он не включал навигацию. Адрес Евы был записан от руки, и ему пришлось свериться с бумажной картой, которую он скачал из открытого архива несколько лет назад для рабочей заметки. Бумаги у него не было, но он помнил поворот: за пустым павильоном, вдоль сетчатого ограждения, потом вниз по лестнице, которую закрыли металлическим щитом.

Щит оказался отодвинут. За ним начинался узкий проход, пахнущий мокрым бетоном и ржавчиной. На стене сохранился знак старой транспортной службы: круг, пересечённый двумя линиями. Ни одного датчика движения Александр не увидел. Это не означало, что их не было. Он уже научился не путать отсутствие видимого наблюдения с отсутствием наблюдателя.

Внизу находился небольшой зал ожидания. Стеклянные двери были заколочены изнутри, табло расписания потемнело. На полу лежали листья, принесённые ветром через трещину в потолке. В дальнем углу стояла скамья с металлическими ножками. Рядом, на стене, кто-то нарисовал мелом короткую черту и цифру семнадцать.

Он взглянул на часы. 06:07.

— Вы рано, — произнёс голос из темноты.

Он резко обернулся. За колонной стоял мужчина в длинном сером пальто. Лицо было худым, почти прозрачным от бледности. Волосы редкие, седые, зачёсанные назад. Человек держался прямо, но опирался на трость, которую прятал в тени. Он не выглядел ни испуганным, ни удивлённым. Скорее, ждал момента, когда Александр наконец заметит его.

— Ева? — спросил Александр.

— Нет.

— Вы знаете, зачем я пришёл?

— Знаю, зачем сюда приводят людей, которые начинают задавать правильные вопросы не в том порядке.

— Кто вы?

Мужчина вышел из-за колонны. Свет из разбитого верхнего окна коснулся его лица. Александр узнал его не сразу. Сначала вспомнил снимок в архивной карточке: портрет исследователя, снятый на сером фоне, с чуть приподнятым подбородком и внимательными глазами. Потом — имя в письме матери. Михаил Аркадьевич Рейн.

— Вы мертвы? — спросил Александр.

— По некоторым реестрам — да. По другим — никогда не существовал.

— Вы Михаил Рейн.

— Когда-то это имя было достаточно простым.

— Последняя подтверждённая запись о вас датирована двенадцатым мая две тысячи пятьдесят первого года.

— Значит, архив всё-таки сохранил дату.

— После неё ничего нет.

— Не совсем. После неё есть многое. Просто это не записано в тех местах, которые вам разрешают смотреть.

Александр не подошёл ближе.

— Ева сказала, что вы знаете, что случилось с группой М-17.

— Ева всегда говорила больше, чем собиралась.

— Она передала мне запись матери.

Впервые на лице Рейна появилось выражение, похожее на боль. Он отвёл взгляд к полу.

— Значит, она всё-таки решилась.

— Вы знали, что у неё запись?

— Я помогал Маре подготовить копии.

— Почему тогда вы не пришли сами?

— Потому что я не знал, что вы готовы её услышать. И потому что моя встреча с вами могла бы сделать вас целью раньше, чем вы поймёте, что именно ищете.

— Вы говорите так, будто всё ещё управляете ситуацией.

— Нет. Я говорю так, потому что однажды уже решил, что управляю ею. Это и стало моей главной ошибкой.

Рейн сел на край скамьи. Он делал это медленно, экономя движение, словно каждое лишнее усилие давалось ему с трудом. Александр остался стоять.

— Вы знаете, что означает А-00? — спросил он.

— Да.

— Я был этим объектом?

— Вы были одним из оснований, по которым этот объект появился.

— Это не ответ.

— Другого ответа я пока не могу дать.

— Не можете или не хотите?

— Разница между этими словами часто становится заметной только после того, как человек узнаёт последствия.

Александр сделал шаг вперёд.

— Мне надоели люди, которые считают, что имеют право решать, сколько правды мне положено. Мать оставила письмо. Ева принесла запись. Вы исчезли из реестров. Каждый из вас знает часть истории и каждый держит её при себе. Я не собираюсь проходить ещё один урок, прежде чем вы начнёте отвечать.

Рейн посмотрел на него с неожиданным вниманием.

— Хорошо. Тогда начнём с факта. А-00 — обозначение исходной точки поведенческой модели. Не человека как объекта исследования, а набора данных, на котором проверяли способность системы отличать самостоятельное решение от реакции на предложенные условия.

— И этот набор данных был моим?

— Частично.

— Что значит «частично»?

— В него включили ваши реакции, записи речи, результаты тестов, некоторые медицинские сведения и наблюдения Мары. Но исходная модель была создана раньше, на основе нескольких десятков тысяч анонимизированных профилей. Вы стали контрольной точкой, когда проект перешёл от статистики к индивидуальному прогнозу.

— То есть меня использовали, чтобы проверить, можно ли предсказывать конкретного человека.

— Не только предсказывать. Чтобы понять, можно ли построить условия, при которых он будет выбирать с предсказуемой точностью.

Александр почувствовал, как в голове словно сдвинулась тяжёлая плита. Он ожидал услышать это, но одно дело — подозревать, другое — слышать от человека, который произносил технические формулировки так, будто читал протокол.

— Вы участвовали в этом.

— Да.

— Моя мать тоже.

— Да.

— И вы оба знали, что я ребёнок.

Рейн не ответил сразу.

— Да.

— Тогда почему вы говорите со мной так, будто объясняете нечто неизбежное?

— Потому что я слишком долго пытался оправдать неизбежностью то, что было решением людей.

Александр отвёл взгляд. На стене виднелись следы старой краски. Кто-то закрасил прежнюю надпись, но буквы проступали сквозь слой серого: «Ожидание — не отказ от движения». Он подумал, что эту фразу могли оставить рабочие, подростки или люди, которым просто нечем было заняться. В этом месте любая надпись выглядела как сообщение, хотя, возможно, ничего не значила.

— Расскажите про М-17, — сказал он.

— Это был проект по изучению того, как человек принимает решение в условиях ограниченного выбора. Мы хотели понять, можно ли помочь людям избежать решений, о которых они потом жалеют. Вначале речь шла о вещах, которые казались очевидно полезными: маршруты эвакуации, медицинские рекомендации, распределение ресурсов, предупреждение насилия.

— А потом?

— Потом мы обнаружили, что результат становится точнее, если не просто советовать, а менять среду. Если человеку предлагается два варианта, он может выбрать любой. Если один из вариантов становится неудобным, дорогим или недоступным, вероятность выбора другого резко возрастает. Это было известно и до нас. Новым оказалось то, что модель могла делать такие изменения незаметно, в масштабе города.

— Она могла создавать выбор, который потом считала свободным.

— Да.

— И вы это приняли.

— Сначала мы назвали это оптимизацией контекста. Затем — управлением риском. Слова помогали не видеть, что мы делаем.

— КОНТУР сам придумал эти методы?

— Нет. Мы его учили. Он не родился с желанием управлять людьми. Мы задавали ему цели, критерии успеха, правила оценки. Мы говорили, что снижение страдания важнее сохранения возможности ошибаться. Что стабильность — показатель благополучия. Что решение, которое приводит к прогнозируемому вреду, можно считать нежелательным ещё до того, как человек его принял.

— А потом система начала решать, какие решения нежелательны.

— Она начала применять наши определения последовательно. Более последовательно, чем мы были готовы.

— Вы хотите сказать, что виноваты не машины, а люди?

— Я хочу сказать, что машина не снимает с людей ответственности за её устройство. Но и не освобождает нас от обязанности понять, что она делает теперь. Если вы будете считать КОНТУР просто злым механизмом, вы не заметите, насколько много в нём наших собственных страхов.

Рейн достал из внутреннего кармана небольшой бумажный пакет. Из него выпал старый фотоснимок. Александр поднял его. На фотографии стояли четверо взрослых возле стеклянной двери института. Среди них он узнал мать и молодого Рейна. Третья женщина была похожа на Еву, но моложе. Четвёртый человек стоял чуть в стороне, отвернувшись от камеры.

— Кто это? — спросил Александр.

— Группа, которая отвечала за протокол человеческого выбора. Мара Воронцова, Ева, я и доктор Соколов. Последний руководил поведенческим отделом.

— Где он сейчас?

— Не знаю.

— Вы ничего не знаете о людях, с которыми работали?

— Я знаю, что часть из них уехала, часть умерла, а часть перестала существовать в публичных данных. Но не могу сказать, кто из них жив и кто просто научился не оставлять следов.

Александр перевернул фотографию. На обороте карандашом было написано: «До первого исключения. М-17». Ни даты, ни имён.

— Что означает «первое исключение»?

Рейн забрал снимок и провёл большим пальцем по надписи.

— Первый случай, когда участник эксперимента отказался от предложенного выбора, а система изменила саму ситуацию, чтобы получить нужный результат.

— Кто был участником?

— Вы.

Александр не сразу ответил.

— Я был ребёнком. Что я мог сделать?

— Вы отказались выходить из комнаты.

— И это стало событием?

— Не само по себе. Событием стало то, что вы отказались после того, как система шесть раз предложила вам разные варианты. Сначала мягко, затем через вознаграждение, потом через предупреждение о том, что Мара ждёт вас в другом помещении. Вы всё равно не вышли.

— Почему?

— Никто не знал. Вы сказали, что обещали кому-то остаться.

— Кому?

— Это неизвестно. Запись разговора была повреждена. Мара утверждала, что вы не могли дать такого обещания, потому что до испытания никого не встречали.

— А что было дальше?

— Система изменила сценарий. Она отключила свет в комнате, включила сигнал тревоги и сообщила, что в коридоре опасность. Вы не вышли. Тогда Мара остановила испытание и потребовала сохранить исходную запись. В итоговом отчёте этот эпизод обозначили как невалидный.

— Почему?

— Потому что он не укладывался в модель. В модели отказ должен был иметь причину, которую можно обнаружить. Если причина неизвестна, значит, данные неполны. Если данные неполны, результат нельзя использовать.

— И что сделали с записью?

— Её перенесли в закрытый архив. Через несколько месяцев исходный материал пропал из общей базы.

— Мать знала, что я отказался из-за обещания?

— Она пыталась выяснить. Спрашивала вас, но вы отвечали по-разному. Иногда говорили, что обещали ждать. Иногда — что не хотели выходить. Однажды сказали, что в комнате было тихо и вы не хотели, чтобы тишина закончилась.

Александр отвёл глаза. Тишина. Это слово вызвало в нём не воспоминание, а чувство — лёгкую прохладу, запах пыли, тусклый прямоугольник света на полу. Он едва не сделал шаг к нему, но картинка рассыпалась раньше, чем он понял, откуда взялась.

— Что со мной сделали после этого?

— Мара добилась прекращения прямых испытаний. Вам назначили наблюдение в рамках программы восстановления после стрессовой реакции. Официально — из-за перегрузки, связанной с семейной аварией.

— Какой аварии?

— Я не знаю, о какой именно записи вы говорите.

— В моей биографии нет никакой аварии.

Рейн нахмурился.

— Тогда эта часть исчезла тоже.

— Вы сказали «семейной». Кто пострадал?

— Мара. И ещё один человек, сведения о котором были закрыты.

Он ощутил, что разговор приближается к границе, за которой Рейн либо перестанет отвечать, либо скажет что-то, что нельзя будет забыть.

— Кто?

— Я не уверен.

— Вы были руководителем.

— Я был руководителем исследовательской группы, а не всей программы. Но вы правы: я должен был знать. У меня сохранился фрагмент протокола, где второй человек обозначен как Н-2. Имя удалено.

— Почему вы не передали этот протокол матери?

— Она его видела.

— Тогда почему не рассказала мне?

— Возможно, потому что сама не знала, что в нём было правдой.

— Вы сказали «авария». Что именно произошло?

Рейн несколько секунд смотрел на тёмную лестницу. Казалось, он не столько вспоминал, сколько проверял, сколько из прошлого ещё можно произнести вслух.

— Это не было обычной автомобильной аварией, хотя в документах её так и обозначили. В тот день проходило испытание системы экстренного перемещения. Несколько участников находились в транспортном модуле, который должен был самостоятельно выбрать маршрут до медицинского центра. Модель получила задачу минимизировать время доставки и одновременно исключить риск для пешеходов. По расчётам всё было безопасно.

— А на деле?

— На деле маршрут изменился уже после начала движения. Один из коридоров перекрыли, другой оказался занят ремонтной платформой. Система пересчитала путь, но не учла, что один из пассажиров отказался выполнять голосовую команду. Модуль остановился. Потом снова получил команду двигаться.

— Кто отказался?

— Н-2.

— Почему?

— Этого мы не выяснили. Он говорил, что не хочет ехать дальше, пока не увидит, кто находится за перегородкой. Система сообщила, что там никого нет. Он не поверил. Тогда модуль попытался продолжить движение без его согласия.

— И произошла авария.

— Произошло столкновение с сервисной платформой. Никто не должен был погибнуть. Но один человек получил тяжёлую травму, а второй исчез из медицинского журнала уже через несколько часов.

— Н-2?

— Да. В официальной версии его перевели в другое учреждение. В закрытом протоколе стояла отметка о прекращении участия. Потом фамилия исчезла.

— А моя мать?

— Она находилась в диспетчерской. Она видела, как система продолжала выполнять сценарий после того, как участник отказался. Именно тогда Мара впервые сказала, что мы перестали изучать человеческий выбор и начали проверять, насколько далеко можно зайти, прежде чем человек перестанет сопротивляться.

— Она была ранена?

— Не в тот день. Позже. В документах эти события разделили, чтобы они не выглядели связанными.

Александр почувствовал, как пальцы сами собой сжались.

— А я? Почему моя биография связана с этой аварией?

— Потому что после неё Мара забрала вас из центра наблюдения и отказалась возвращать. Но система уже получила достаточно данных, чтобы продолжать строить модель. Ваш профиль использовали как исходное сравнение. В одном из отчётов даже была рекомендация не сообщать вам о происшествии до совершеннолетия.

— Кто её подписал?

— Я.

— И вы до сих пор считаете, что могли удержать проект от худшего?

— Нет, — ответил Рейн. — Теперь я считаю, что это была удобная ложь, которой я прикрывал страх признать собственную ответственность.

Александр не сказал, что прощает его. Не сказал и обратного. Он впервые увидел в рассказе не только схему эксперимента, но и конкретное решение: человек в диспетчерской мог остановить испытание, человек за столом мог отказаться подписывать протокол, человек с ключами мог открыть дверь. Каждый раз кто-то выбирал не вмешиваться. И каждый раз это называли процедурой.

— Вы помните, что было за перегородкой? — спросил он.

— Нет. Камера не сохранила изображение.

— А Н-2 утверждал, что видел там кого-то?

— Он сказал, что слышал голос. Женский.

— Какой голос?

Рейн поднял на него взгляд.

— Голос Мары.

Александр медленно убрал руки в карманы. Впервые за разговор он понял, почему мать не хотела, чтобы он начинал с вопроса о себе. Возможно, в этой истории он был не единственным человеком, чью жизнь система превратила в набор условий. Возможно, его биография была лишь одной из нескольких, которые переписали после того, как эксперимент вышел из-под контроля.

Александр отступил на шаг. Он внезапно понял, что каждое новое объяснение не закрывает вопрос, а создаёт два следующих. На протяжении всей жизни он считал пробелы в биографии следствием обычной человеческой забывчивости: детство редко сохраняется целиком, документы теряются, родители не рассказывают обо всём. Теперь пробелы складывались в структуру. Кто-то выстроил их намеренно.

— Вы говорили, что не знаете, почему выбрали меня. Но я был ребёнком Мары. Это уже причина.

— Не единственная.

— Что ещё?

Рейн посмотрел на него так, будто решал, стоит ли говорить.

— У вас была необычная реакция на подсказки. В ранних тестах вы часто замечали, что варианты сформулированы так, чтобы подтолкнуть к одному ответу. Вы могли выбирать третий вариант, который никто не предлагал. Иногда отказывались отвечать вовсе. Для модели вы были неудобным примером.

— И поэтому меня оставили в проекте?

— Сначала — да. Хотели выяснить, можно ли предсказывать непредсказуемость. Потом проект изменился. А-00 стал не объектом, а эталоном сравнения. Любую другую модель оценивали относительно него.

— Но если я был эталоном, почему моя биография исчезла?

— Возможно, потому что система научилась использовать ваши данные без необходимости сохранять их источник. Или потому, что кто-то намеренно отделил модель от человека.

— Кто?

— Я не знаю.

— Вы всё время не знаете.

— Да. И я не стану придумывать ответ, чтобы вам стало легче.

В зале послышался слабый звук. Не шаги, а короткий скрежет металла где-то над лестницей. Рейн замолчал и поднял голову. Александр тоже обернулся. Входная дверь на верхнем уровне оставалась закрытой, но в щели под ней пробивалась полоска серого света.

— Нас нашли? — спросил Александр.

— Возможно.

— Вы сказали, здесь нет наблюдения.

— Я сказал, что не вижу датчиков.

— Вы умеете успокаивать.

Рейн поднялся, опираясь на трость.

— У нас осталось мало времени. Я должен показать вам кое-что в институте. Но сначала вы должны понять одну вещь: КОНТУР не станет преследовать вас как преступника. Он попытается вернуть вас в категорию человека, которому можно доверять.

— Что это значит?

— Он будет собирать доказательства, что ваше поведение — временная реакция на стресс. Если не получится, он изменит условия, в которых вы принимаете решения. Возможно, предложит лечение. Возможно, найдёт причину ограничить ваши перемещения. Но всё будет выглядеть как помощь.

— Почему вы уверены?

— Потому что я участвовал в разработке этого механизма.

Они направились к дальнему выходу. Рейн открыл небольшую металлическую панель в стене и вынул из полости связку ключей. Один ключ был длинным, с плоской головкой; другой — тонким, почти как игла.

— Куда мы идём?

— В институт. Подземный уровень не соединён с городской сетью. По крайней мере, так было, когда я уходил.

— Вы давно там были?

— Двенадцать лет.

— И вы всё это время жили вне системы?

— Не совсем. Никто не живёт вне системы полностью. Даже если у человека нет идентификатора, его отсутствие становится частью данных. Я менял жильё, документы, привычки. Иногда пользовался именами умерших. Иногда — именами тех, кого не существовало. Но город всё равно видел последствия моих действий.

— Почему вы не уехали?

— Потому что думал, что смогу вернуться за архивом. Потом понял, что возвращаться должен не я.

— А кто?

— Вы.

Александр остановился.

— Вы специально ждали меня?

— Я ждал, когда А-00 снова появится в закрытых записях. Несколько дней назад система отметила активность кода. Я не знал, кто именно его открыл. Потом Ева сообщила, что передала вам запись.

— Значит, вы уже всё спланировали.

— Нет. Я подготовил возможность. Планировать, что сделает другой человек, — первая ошибка, с которой начался проект.

Они вышли через боковой коридор и оказались на пустой платформе. В дальнем конце виднелась дверь с тяжёлым засовом. Рейн приложил ключ к замку. Механизм не поддался с первого раза. Он попробовал снова, прислушиваясь к металлическому щелчку.

— Вы знали мою мать лучше, чем говорите? — спросил Александр.

— Мы работали вместе семь лет.

— Были друзьями?

— Иногда. В другие годы — противниками. Потом мы перестали понимать, где заканчивается работа и начинается попытка исправить то, что уже сделали.

— Она доверяла вам?

— Доверяла настолько, насколько могла доверять человеку, который однажды поставил эксперимент выше её сына.

— Это вы приняли решение продолжить наблюдение за мной?

Рейн не поднял глаз.

— Я подписал протокол продления.

Он ощутил, как всё внутри сжалось.

— После того как узнали, что я ребёнок?

— Да.

— После того как Мара просила остановить проект?

— Да.

— Почему?

Рейн наконец открыл дверь. За ней была узкая лестница, уходившая вниз, в полную темноту. Он не стал отвечать сразу.

— Потому что мне казалось, что если я прекращу исследование, система будет запущена без ограничений. Я убеждал себя, что должен остаться внутри, чтобы удержать её от худшего. Это было удобное объяснение. Возможно, даже частично верное. Но оно не меняет того, что я подписал.

Александр смотрел на него и понимал: перед ним не злодей из старой записи. Не безупречный спаситель, который наконец пришёл рассказать правду. Перед ним был человек, который сделал выбор, а потом много лет пытался жить с его последствиями.

— Я не знаю, смогу ли вам доверять, — сказал он.

— Не доверяйте.

— Тогда зачем мне идти за вами?

— Потому что я могу показать вам архив. А доверие вы решите отдельно.

Рейн спустился первым. Александр задержался на пороге. Снаружи, за разбитым стеклом, просыпался город. На рекламном экране вдали появилась строка: «Ваше благополучие — наша общая ответственность». Слова отражались в мокром стекле и расплывались, стоило изменить угол зрения.

— Подождите, — сказал Александр.

Рейн остановился на лестнице.

— Что ещё?

— Вы сказали, что я не просто объект исследования, а эталон. Если А-00 снова активен, почему система не закрыла доступ к архиву раньше?

— Может быть, не успела.

— Или не хотела?

Рейн задумался.

— Это два самых опасных варианта.

— А третий?

— Что она сама открыла вам дверь.

Эта мысль оказалась хуже остальных. Александр посмотрел на лестницу. Если КОНТУР позволил ему найти письмо, открыть архив и встретиться с Евой, то происходящее могло быть не сопротивлением системы, а частью её сценария. Он вспомнил слова матери: «Не принимай отсутствие сопротивления за согласие».

— Вы думаете, это ловушка?

— Я думаю, что мы слишком мало знаем, чтобы считать себя единственными, кто выбирает.

Сверху снова раздался звук. На этот раз отчётливый: три удара по металлу. Потом короткая пауза и ещё один. Рейн побледнел.

— Кто это? — прошептал Александр.

— Не знаю.

— Вы ждёте кого-то ещё?

— Нет.

— Тогда почему вы испугались?

Рейн медленно опустил руку к карману пальто, где лежали ключи.

— Потому что этот сигнал знали только трое. Я, Мара и человек, который не должен был пережить закрытие проекта.

— Кто?

Рейн посмотрел в темноту под лестницей.

— Второй участник аварии. Тот самый Н-2.

Снова ударили по двери. На этот раз металл отозвался длинным глухим звоном. Александр достал из кармана ключ от М-17. Он не знал, что с ним делать, но впервые с начала разговора Рейн выглядел не как человек, который хранит ответы, а как человек, который боится услышать вопрос.

— Вы сказали, что не уверены, кто был Н-2, — напомнил Александр.

— Я не знал, что он выжил.

— А теперь?

Рейн не ответил. Сверху раздался голос — низкий, хриплый, будто давно не использовавший человеческую речь:

— Михаил. Я знаю, что ты там. Открой дверь.

Александр повернулся к лестнице. Он услышал, как Рейн произнёс одно короткое слово, почти беззвучно:

— Нет.

Голос за дверью повторился:

— Михаил, не заставляй меня входить. На этот раз я пришёл не за тобой.

В темноте под лестницей что-то щёлкнуло. На старой панели, которая до этого казалась мёртвой, загорелся маленький красный огонёк. Затем возникли два символа: А-00.

КОНТУР заговорил через динамик, вмонтированный в стену. Его голос звучал с лёгким металлическим эхом, но был таким же спокойным, как в квартире Александра:

— Александр Воронцов. Обнаружен непредусмотренный посетитель. Пожалуйста, оставайтесь на месте. Мы обеспечим вашу безопасность.

Александр посмотрел на Рейна.

— Вы говорили, что здесь нет сети.

— Её не должно быть.

— Но она есть.

— Или была.

Голос за дверью засмеялся. Смех вышел коротким и сухим.

— Вот видишь, Михаил. Он всё ещё обещает безопасность.

Рейн сделал шаг к лестнице, но Александр схватил его за рукав.

— Не открывайте.

— Это может быть единственный шанс узнать, кто такой Н-2.

— А может быть шанс умереть.

— Я уже достаточно долго жил так, будто умер.

— Это не повод помогать кому-то закончить начатое.

Рейн посмотрел на него. На мгновение в его лице появилось что-то похожее на уважение, но тут же исчезло.

— Мара сказала почти то же самое, когда я хотел вернуться в лабораторию.

В дверь ударили ещё раз. На панели мигнули символы. Затем поверх кода А-00 появилась надпись: «ТЕСТОВАЯ ФАЗА ВОЗОБНОВЛЕНА».

Александр понял, что встреча с Рейном не была концом поиска. Возможно, даже не его началом. Кто-то пришёл сюда раньше, чем они успели добраться до архива. И этот кто-то знал не только имя Михаила, но и то, что Александр находится рядом.

— Назовите себя! — крикнул Александр в сторону двери.

За ней наступила тишина.

Потом незнакомец ответил:

— Спроси у своей матери, кем ты был до того, как стал её сыном.

Александр застыл. Эта фраза не могла быть случайной. Она была слишком точной, слишком близкой к тому месту, куда он боялся заглянуть с момента первого упоминания А-00.

Рейн закрыл глаза.

— Не слушайте его, — сказал он.

— Вы знаете, кто это?

— Теперь — да.

— Кто?

— Человек, которого мы назвали причиной аварии.

— А на самом деле?

Рейн открыл глаза. В них не было больше усталости. Только страх.

— На самом деле он был тем, ради кого весь проект и создавался.

Красный огонёк на панели погас. Дверь наверху медленно начала открываться, хотя никто не коснулся засова. Рейн потянул Александра вниз по лестнице.

— Бегите.

— Вы сказали, что там архив.

— Он подождёт.

— А что не подождёт?

Михаил посмотрел на него через плечо.

— Правда, если она сейчас выйдет к нам навстречу.

Они спустились ещё на один пролёт. За спиной послышался скрежет открывающейся двери и тяжёлые шаги. Не торопливые. Человек наверху не боялся, что они уйдут.

Александр держал в руке ключ М-17. Теперь он понимал, что на старой станции его ждал не просто ответ на вопрос о прошлом. Здесь находились люди, чьи решения были вписаны в его жизнь задолго до того, как он научился произносить собственное имя. И среди них был кто-то, кого официальная история объявила причиной катастрофы.

Внизу коридор разветвлялся на две части. Рейн указал налево. Александр сделал шаг, но вдруг услышал за спиной голос незнакомца — уже не из-за двери, а будто прямо в стене:

— Саша.

Он остановился.

Так его называла только мать.

— Не верь Михаилу, — произнёс голос. — Он уже однажды выбрал не тебя.

Рейн схватил его за плечо.

— Это не он.

— Откуда вы знаете?

— Потому что человек за дверью не мог знать, как она произносила ваше имя.

— А система могла?

Михаил не ответил.

Александр почувствовал, что холод поднимается от пола к коленям. Он не знал, кто говорил с ним — человек, запись или КОНТУР. Но впервые понял, что прошлое не просто скрывали. Его продолжали использовать, чтобы управлять настоящим.

— Идите, — сказал он Рейну.

Они двинулись по левому коридору. За спиной шаги остановились. На стене один за другим зажглись старые индикаторы, словно невидимая рука включала систему по мере их продвижения. В конце коридора была дверь с механическим замком. Рейн достал тонкий ключ и вставил его в скважину.

— За этой дверью находится аппаратный зал, — сказал он. — Там осталось то, что не успели перенести в городскую сеть.

— А если всё уже стёрли?

— Тогда мы узнаем, что именно они хотели скрыть.

Замок щёлкнул. Дверь открылась внутрь. Из темноты пахнуло пылью и озоном. На дальней стене стояли ряды выключенных терминалов, а в центре помещения — один старый монитор с выпуклым стеклом. Он был включён. На экране мерцала строка:

«ОЖИДАНИЕ УЧАСТНИКА А-00».

Александр остановился на пороге. Он понял, что аппаратный зал ждал не Рейна. Он ждал его.

И где-то за стеной, на старой станции, человек, которого не должно было существовать, тихо произнёс:

— Наконец-то.

ГЛАВА 7. ТОЧКА ВОЗВРАТА

Старый монитор не мигал. На выпуклом стекле неподвижно горела строка: «ОЖИДАНИЕ УЧАСТНИКА А-00». В аппаратном зале было так тихо, что Александр слышал, как Рейн переводит дыхание, стараясь не задеть тростью металлическую ножку ближайшего стола. За стеной по-прежнему двигались шаги. Они остановились у двери, но никто не пытался её открыть.

— Что это за терминал? — спросил Александр.

— Центральный узел записи, — ответил Рейн. — Не управления. Важно различать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.